

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

Odnoklassniki.ru
Неотправленные письма
другу

КНИГА ПЕРВАЯ

Анатолий Зарецкий

Odnoklassniki.ru.

Неотправленные письма другу

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Оdnoklassniki.ru. Неотправленные письма другу / А. Зарецкий —
«Издательские решения»,

«Время лечит»... Какая чушь!.. От жизни лечит только смерть — моя смерть... А что потом, когда сам стану лишь чьим-то воспоминанием? Ведь уже сейчас рядом со мной не осталось никого, кто мог бы вдруг спросить: «Толик, а ты помнишь Людочку?» Я бы вздрогнул, как от ожога, и не ответил. Зачем?.. Вот только, что же все-таки потом, когда не будет меня?.. Похоже, останутся лишь эти строки, пока время не сотрет их за ненужностью... Всё...

Содержание

Вместо предисловия, или как приходят идеи	7
Глава 1. Как бы хотелось вернуть	12
Глава 2. Я прощался с родным городом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Odnoklassniki.ru.
Неотправленные письма другу
Книга первая
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды какая-то сила подхватила с постели в четыре утра и направила к компьютеру. Не рассуждая, открыл новый документ и стал набирать все, что шло не от разума – от сердца.

Поставив последнюю точку, решил ничего не править. Пусть останется, как есть:

Так не бывает,
Вот уже полвека
Влюблен я как мальчишка
В Пустоту...
В Ничто...
Была ты девушкой когда-то,
Красавицей с глазами лани...
Однажды заглянул в них
И пропал,
Сраженный отражением

Вселенной...
И утонул в них,
Растворился.
Весь, без остатка,
До последней клетки...
И не было меня сильней,
Готового сразиться
Со всем миром
За право обладания
Тобой...
Но ты ушла,
Став вечною Невестой
Мне, смертному,
И самому Владыке Мира...
Что от тебя осталось?
Только Имя
И память скорбная моя,
Что не дает забыть
Мгновенья счастья,
Судьбой подаренного
Много лет назад,
Когда увидел я
Твое цветенье —
Мой самый яркий,
Самый чистый,
Неповторимый мой
Цветочек.

«Время лечит»... Какая чушь!.. От жизни лечит только смерть – моя смерть...

Но я до сих пор осознаю себя как личность и значит, помню все, что случилось со мной на рассвете жизни...

А что потом, когда сам стану лишь чьим-то воспоминанием? Ведь уже сейчас рядом со мной не осталось никого, кто мог бы вдруг спросить: «Толик, а ты помнишь Людочку?»

Я бы вздрогнул, как от ожога, и не ответил. Зачем?..

Вот только, что же все-таки потом, когда не будет меня?..

Похоже, останутся лишь эти строки, пока время не сотрет их за ненадобностью...

Всё...

Вместо предисловия, или как приходят идеи

Несколько лет назад, множество людей, имеющих доступ к компьютеру, вдруг охватила новомодная эпидемия. Используя возможности Интернета, народ бросился на поиски бывших одноклассников, однокурсников, армейских сослуживцев и коллег по работе. Искали тех, кого в повседневной суете давно забыли и вспоминали лишь изредка, да и то в связи с событиями многолетней давности. От большинства остались имена и фамилии, от других и того меньше – лишь зыбкие даты совместной учебы, службы, работы...

Я тоже попался на эту наживку, словно нарочно подоброщенную ностальгирующим интеллектуалам, скучающим у компьютеров в офисах или дома. Владельцы замечательного проекта odnoklassniki.ru ведали, что творили.

Как же разбросала нас жизнь! Я находил тех, кого когда-то знал, не только в родном городе, но и повсюду в этом огромном мире. Англия, Австралия, Германия, Израиль, Соединенные Штаты и другие страны приняли моих одноклассников в свои объятия. Мало кто остался в родных местах, где человек родился, и где, казалось, должен и пригодиться... Увы...

Наивная и неугомонная сущность – человек...

Что связывает тебя с этими «бывшими», кроме общих детских и юношеских воспоминаний? Даже бывший друг детства, если ты на долгие годы потерял с ним связь, вряд ли снова станет другом. Ведь огромный отрезок жизни вы прожили, словно на разных планетах. Ты помнишь его юным, полным планов и надежд, а встретишь другого, нередко чуждого по духу человека. Да и сам ты, искалеченный жизнью, уже давно не тот, кого он хранит в воспоминаниях.

Что же тогда ищешь в этих Интернет-контактах, чего ждешь от них?..

Вряд ли тобой движет нечто иное, нежели банальное человеческое любопытство. Эй!.. А что там – за горизонтом?.. А как могла сложиться жизнь, если бы поступил тогда в институт вместе с другом? Что он успел сделать за эти годы, а что ему не удалось? Почему у него получилось, а ты остался на обочине жизни?..

А если, наоборот?.. Готов ли ты бескорыстно, как в детстве, оказать посильную помощь?.. Готов ли он принять ее?.. Наконец, готов ли заполучить в своем окружении еще одного отвратительного завистника твоим успехам, если таковые имеются? Ведь известно, что самые лютые враги вожака обезьяньего сообщества – старые самки, которые помнят его слабым и беззащитным, а потому никогда не признают в нем лидера, которому должны беспрекословно подчиняться. Игнорируя вожака, они доводят его до бешенства, причем, без всяких для себя последствий. Так устроена жизнь животных. А намного ли иначе устроена наша жизнь?.. Мне так не показалось...

И все же... А вдруг...

Долгие годы мне хотелось узнать, как сложилась жизнь у одноклассников, которые бежали из нашей школы после седьмого класса. Ведь ушли самые лучшие, в том числе и Юра Елдышев, с которым мы столько лет просидели за одной партией.

Надо сказать, дружили мы по его инициативе. Еще в четвертом классе он подкатился к нам с Женькой и потом целых полгода пытался втиснуться между нами, расколоть нашу дружбу. Тогда, мне показалось, он хотел оттереть меня и в нашем тандеме занять мое место. Ведь Женька был генеральским сынком и безраздельно верховодил во дворе военного городка, где жили оба. И когда я приходил в городок, Юрка с Женькой уже всю игру играли вдвоем или

с местными ребятами. Но вскоре заметил, что стоило мне появиться, каждый из них сразу же пытался перетянуть на свою сторону, в свою команду. Доходило до открытых столкновений, в которых я, разумеется, всегда был на стороне друга. И все чаще в подобных ситуациях мы с Женькой тут же уходили к нему домой, якобы делать уроки.

Но вскоре семья Женьки переехала в Москву, и образовавшийся вакуум практически мгновенно и безапелляционно заполнил Юрка. В школе он пересел ко мне, на освободившееся место. А в городке, куда я приходил, чтобы поиграть с другими одноклассниками, сразу же перехватывал и вел к себе домой. Его родители не возражали, и очень скоро мы все-таки подружились, почти как с Женькой.

В наших отношениях Юрка, несомненно, доминировал. У него было много преимуществ, кроме одного – меня всегда считали гораздо способнее. Я успевал во всем, за что ни брался, и ни капельки не напрягаясь, ходил в отличниках. С годами понял, что именно мои успехи не давали ему покоя.

Иногда я уставал от его опеки, и мы надолго ссорились. Ведь, несмотря на покладистый характер, всегда и во всем предпочитал отношения равных. В лагере военнопленных немцев, где пришлось прожить большую часть детства, я был единственным ребенком – центром всеобщего внимания.

Позже, когда переехали из зоны, уже мне приходилось опекать младших братьев. В нашем дворе, в сколоченной мной дружной команде, был неоспоримым лидером. А в деревне, куда нас с братьями отправляли на летние каникулы, и где за много лет мы стали своими, нередко был признанным организатором коллективных игр, командиром или капитаном команды.

А потому я всегда пресекал попытки друга манипулировать мной – это и вызывало наши постоянные бурные ссоры. Последняя кончилась тем, что, не выдержав словесной дуэли, он с такой злостью захлопнул крышку парты, что сломал мне пальцы правой руки. Намеренно это сделал или нет, не могу сказать. Но я и сейчас крупным планом вижу его торжествующую физиономию, когда вскрикнул от невыносимой боли, а в глазах потемнело.

С неделю не ходил в школу, да и потом месяца три из-за гипса мог лишь с трудом выводить каракули. В результате в той четверти впервые вылетел из отличников. Не знаю, по чьей инициативе, но, когда вернулся в класс, нас с Юрой рассадили, а наши отношения прекратились...

Еще до выпуска из седьмого класса, нам объявили, что дальше будем обучаться по особой программе. Кроме аттестатов зрелости, по окончании двенадцатого класса мы получим дипломы технологов холодной обработки металлов. Естественно, такая перспектива устраивала не всех. Особенно ребят успевающих и целеустремленных. И восьмые классы были сформированы заново – из учащихся близлежащих школ.

Мои родители не захотели, чтобы я перешел в другую школу. Что-то подсказывало, все может перемениться. Так и оказалось. Эксперимент не удался, и перед новогодними каникулами нам объявили, что мы возвращаемся к старой программе обучения. И, вплоть до нашего выпуска, школа оставалась единственной в городе школой-десятилеткой. Все, кто ушли, ринулись назад. Но обратного пути не было.

Какое-то время мы поддерживали отношения с нашими бывшими одноклассниками, но прошли три года, и мы окончили школу. У нас началась «взрослая» жизнь, с другим кругом забот и интересов. Нам предстоял нелегкий выбор будущего, а у них маячил еще целый год школьной жизни.

Даже связи с одноклассниками своего выпускного класса постепенно слабели, а то и полностью прекратились – зачастую, сразу же после выпускного вечера. Но, пока жил в родном

городе, или же гораздо чаще, чем в последующие годы, приезжал погостить, случайная информация о моих товарищах доходила.

Так узнал, что Юра Елдышев и Петя Поляков поступили в МГУ. Петя был уникальным человеком. Он мне всегда нравился своей уверенностью и целеустремленностью. Учился стабильно, на уровне выше среднего, но в отличниках не ходил. Еще в четвертом классе зачитали его сочинение, в котором тот заявил, что его мечта – стать профессором математики в МГУ.

Класс лишь смеялся, ведь наши мечты в то время были совсем иными – мы хотели стать летчиками, моряками, полярниками...

Доходили слухи, что Петя окончил МГУ, защитил кандидатскую, а затем докторскую, и действительно стал университетским профессором. Его судьба трагична – добившись всего, он внезапно заболел и скоропостижно умер.

Мне думается, и в школьной, и в университетской жизни Юры именно Петя занял мое место друга...

И вот почти через полвека с момента нашей последней встречи с Юрой, я набрал его данные в поисковой системе сайта odnoklassniki.ru, и через мгновение увидел его фото. Я сразу его узнал, да и указанные им данные не вызывали сомнений. И все же...

Недолго думая, тут же отправил первое послание:

«Привет из детства!

Юра, если помнишь военный городок ХВАИВУ, школу №36 города Харькова и, наконец, Толю Зарецкого – отзовись».

Ответ пришел на следующий день. Это действительно был Юра, которого я знал. Конечно же, он помнил меня, как школьного друга. И я отправил эту весточку, поскольку он ее с нетерпением ждал:

«Привет, дружище!

Спасибо, что так быстро откликнулся на мое послание.

Что тебе рассказать о себе?

Родной Харьков покинул в 1969 году. С 1973 года живу в Москве.

В 1971 году женился (жена – Татьяна), в 1972 году родилась дочь Светлана, замужем. С 2000 года живет у мужа – в Италии, в районе Венеции.

Об учебе и работе быстро не расскажешь. Учился постоянно, да и поработал немало, вот только результатами своей деятельности недоволен.

Успел поработать в Харькове, в Сибири, в Средней Азии, в Италии и, разумеется, в Москве. Трудовой стаж с 1962 года.

Если интересно, постепенно опишу свою жизнь.

Юра, часто вас всех вспоминаю: тебя, Петю Полякова, Алика Гершгорина, Борю Фельдмана, Женю Шлиффера, – словом, тех, кто ушел тогда с тобой.

Если что о них знаешь, напиши.

Разумеется, интересно узнать, как сложилась твоя жизнь.

Обнимаю, Толик».

И снова ответ на мое послание не заставил ждать. Юра написал о себе, не вдаваясь в подробности. А, кроме того, сообщил, что Петя Поляков – профессор математики Университета Вайоминга, последние лет двадцать живет в США.

Последняя новость ошеломила. Человек, которого много лет считал умершим – жив! Я был счастлив... Оказалось, трагедия случилась не с Петей, а с его младшим братом. Он,

как и Петя, окончил МГУ, был таким же талантливым, достиг подобных результатов. А слухи о смерти, которые дошли до меня, содержали лишь фамилию и перечень достижений, которые у братьев были одинаковыми.

Мне очень хотелось немедленно встретиться с Юрой, как он предлагал в своем послании, но какое-то шестое чувство и отголоски прошлых обид подсказывали:

«Не спеши... Пообщайся на дистанции. Попробуй рассказать о своей жизни, но не просто как о череде событий, а о тех душевных переживаниях, которые делают человека личностью. Друг поймет и ответит хотя бы искренним сопереживанием. Недруг порадует неудачам. Любопытный удовлетворит порок, но останется равнодушным. Ты все почувствуешь по реакции на твои послания другу... А пока искренне считай его другом, ведь когда-то это так и было».

И я продолжил переписку:

«Привет!

Чем же я смог тебя заинтриговать? У тебя самого, мне показалось, такая яркая жизнь. Представляю, скольких трудов это стоило.

Предложение свидеться, конечно же, понравилось. Правда, у меня сейчас время радикальных перемен, а это напрягает. Так что, давай,ждемся лучших времен. Главное, что мы снова нашлись – почти через полвека!

Немного о себе. Я активный пенсионер. Правда, в дополнение к отдыху на огородных грядках вынужден продолжать работу, которую начал 10 лет назад.

Я учредитель и генеральный директор кучи небольших производств и двух заводов в Подмосковье, созданных мной с нуля и успешно работающих до сих пор, увы, без меня. Каждый раз из-за недобросовестных партнеров приходилось все бросать и начинать сначала. Вот и сейчас готовлюсь к очередной попытке. Надеюсь на успех».

Юра не настаивал на встрече. До лучших времен решили ограничиться контактами в Интернете. И я начал нашу словесную дуэль, не представляя, во что это в конечном итоге выльется...

Достаточно скоро понял, что посылал письма равнодушному человеку, который удовлетворил любопытство, а детали моей жизни его не занимали. Но просто так остановить поток нахлынувших воспоминаний уже не смог. И продолжил накапливать в недрах компьютера все новые и новые письма, не отправляя их больше никому...

Папка «Неотправленные письма другу» пухла и пухла, пока ни стала превращаться в подобие рукописи довольно объемистой книги. И тогда я переслал содержимое папки моей дочери Светлане и старинному армейскому другу Александру Дудееву – большому любителю литературы и автору стихов «Книги любви», изданной им в 2003 году.

Мнение столь разных людей было однозначным – это интересно нам и будет интересным многим, а значит надо продолжать писать письма-воспоминания. Потому что это рассказ не только о трудной судьбе главного героя, жившего в непростое время, но и повесть о большой любви и настоящей дружбе, которые так окрыляют людей. Это противовес негативу, который, к сожалению, обрушивается на нас со всех сторон.

Светлана Старикова, Александр Дудеев и Олеся Лапшина стали первыми читателями моей повести, и очень помогли своими замечаниями и предложениями.

И вот эта повесть перед вами... Я не изменил имен некоторых исторических, общеизвестных или особо колоритных персонажей. Остальные имена вымышлены, хотя, в принципе, в том не было необходимости. События, отраженные в повести, в целом достоверны. Глав-

ное, что старался сохранить – это постепенно стирающийся даже в памяти современников тот особый дух времени, в котором жили мои герои, а также субъективное восприятие событий, о которых мало известно, или известно лишь тем, кто в них участвовал.

Глава 1. Как бы хотелось вернуть

*Как бы хотелось вернуть
Вечер той зимней метели,
Снежную, белую муть,
В иголки сосны и ели,
Наши следы на снегу —
Их разметала пурга —
Все, что забыть не могу,
Память о чем дорога.*

«Юра, эти юношеские стихи очень точно отражают мое эмоциональное состояние на протяжении всей жизни.

Так случилось, что хрущевский эксперимент развалил наш уникальный 7 «А», создав взамен «сборную солянку» из будущих технологов холодной обработки металлов. Мне так хотелось уйти вместе с вами. Моя жизнь сложилась бы по-иному: примерно так, как сложилась у тебя или у Пети. К тому были предпосылки. Но решали родители.

Новый класс не стал мне своим. Я уже вряд ли вспомню половину одноклассников, хотя проучился с ними три года.

Я чувствовал себя одиноким. Тогда и начал писать стихи для себя.

По окончании 8-го класса взбунтовался, бросил школу и все лето и осень (до ноября месяца) проработал учеником слесаря-лекальщика на заводе ФЭД.

В школу меня вернули другим человеком – у меня появилась цель и небольшой жизненный опыт.

Продолжение следует, если тебе это интересно.

Обнимаю, Толик».

Ответ Юры был мгновенным и кратким: «Конечно, интересно!» Что ж, кажется, я на правильном пути. Продолжаю в том же духе.

«Привет, Юра!

Продолжу школьные воспоминания.

В школе меня понесло. Учился я всегда легко. Поэтому, начиная с 9-го класса, все домашние задания выполнял прямо на уроках, как говорится, по горячим следам.

Появилось много свободного времени. Я записался в аэроклуб и десять месяцев изучал теорию полетов и конструкцию планера. По вечерам тренировался в секции бокса на «Динамо» (правда, меня хватило лишь до первого нокаута), увлекся футболом (играл, как и все, в дворовой команде и даже однажды попал в сборную школы).

В школе, вместе с единомышленниками, создали неформальное «Общество вольных литераторов». Больше года мы выпускали рукописный еженедельник «Техника идиотов. Подпольный журнал». Кроме журнала, сообща писали роман с продолжением «В степях Патагонии» и такой же бесконечный киносценарий «Битва в пути».

Вся школа сотрясалась от смеха, читая наши опусы, пока они случайно ни попали к учителю физики. И хотя он был человеком с юмором, но доложил по инстанции. Нас едва ни исключили из комсомола, запретив, под угрозой исключения из школы, всякую «подпольную деятельность». Но, меня уже не могли остановить никакие запреты. Графомания и состояние протеста стали диагнозом на долгие годы».

«Привет!

Весна-лето перед выпускным 10-м классом – самая светлая полоса моей жизни. В тот период у меня очень многое случилось впервые: первая любовь, первые поездки за рулем автомобиля, первые прыжки с парашютом, первые полеты на планере и, наконец, первое знакомство с морем.

К осени, окрепший телом и душой, был готов сдвинуть горы.

В аэроклубе попытался перейти на курсы подготовки пилотов спортивных самолетов. Одновременно узнал, что военкомат объявил о наборе курсантов в военное училище летчиков. Экзамены – по окончании школы, а медкомиссия – в октябре месяце.

Я успешно выдержал все экзамены и ждал решения комиссии. К удивлению, меня забраковали. У меня оказались какие-то проблемы со зрением. Что-то вроде недостаточного цветовосприятия в сумерки.

И это не лечится!

Все бы ничего, но меня тут же исключили из аэроклуба. Оказалось, из-за этой ерунды мне навсегда заказан допуск к самостоятельным полетам. Мое небо обрушилось!

Сам понимаешь, сколько одноклассников порадовалось моим «успехам».

Кулаки – слабое утешение, снова захотелось бежать!»

«Привет!

Бежать было некуда. Но и делать, что от меня требовали в выпускном классе, уже не мог. Впервые в жизни почувствовал себя никчемным, никому не нужным человеком – неудачником. Постепенно впал в состояние глубокой депрессии. Учеба пошла кувырком. Неожиданно для всех, стал твердым троечником по всем предметам.

У меня появились товарищи (друзьями их тогда можно было назвать с натяжкой, ибо нас сблизил комплекс неудачников, а связала бутылка). Мы пили прямо в классе на переменах, иногда продолжали на уроках. Все в классе замолчали. Нас вынуждены были «уважать»...

Меня спас учитель математики. И это удивительно, потому что в школе я любил лишь физику и астрономию. А тут он заявил, что уважает меня за математические способности и удивлен таким переменам в отношении к предмету. В общем, дал слово, что по его дисциплинам у меня будут только отличные отметки. Слово сдержал и даже перевыполнил: начиная со второй четверти, впервые после пятого класса стал круглым отличником. Подтянулись и товарищи. Завязалась многосторонняя дружба, причем не только за столом».

«Привет!

Вот и прошли школьные годы. Позади выпускные экзамены. Все до единого сдал на «отлично». Аттестат вышел неплохой, но без медали – все же сказала первая четверть.

Что дальше? Авиация недоступна. Учиться, но где, а, главное, зачем? Карьера ученого – нечто абстрактное. Преподавать – не грело. Инженерную деятельность тогда просто не понимал. Устроиться на рядовую работу? Это у меня было – неинтересно, да и бесперспективно.

Все же решил поступать в университет на физико-технический, но особо не торопился.

Неожиданно встретил товарища по аэроклубу. Выяснилось, что его тоже не допустили к полетам по медицинским показателям, и он решил подавать документы в авиационный институт. При институте есть секции по всем летным направлениям, куда поступить гораздо проще. Это и сформировало мое решение.

Поступил без проблем. А 1-го сентября нас первым делом направили устраиваться на работу на авиационный завод – хрущевские эксперименты продолжались».

«Привет!

Первый курс пролетел незаметно. Посменная работа на заводе и посменная учеба в институте не давали расслабиться.

Бесцельное накопление знаний не увлекало, а вот на заводе было интересно. У меня был рабочий опыт, поэтому уже на третий день стал работать слесарем-сборщиком.

А потом был колхоз, после чего из студентов сформировали отдельный участок. Там я получил профессию слесаря-жестянщика. Появился неплохой заработок, воспринятый с энтузиазмом дома.

Освоившись, стал рационализатором. Вначале совершенствовал инструмент и приспособления, а затем добрался до техпроцессов. И когда мы с напарником стали выполнять план на 300—400%, нами заинтересовались.

Конечно, все лавры добровольно отдали мастеру, для которого стали находкой. Но и мы не остались в накладе. Нам присвоили звание Ударников коммунистического труда (тогда получить такое звание было непросто), да и наши заработки постепенно превысили 150 рублей в месяц».

«Привет!

Когда в конце лета увольнялись с завода, мастер предложил остаться. Аргумент был железный: выпускники ХАИ, во множестве работавшие на заводе, получали зарплату 120—140 рублей в месяц, а мои последние заработки уже дошли до 180—200. К тому же, в разговорах с инженерами выяснилось, что основная масса выпускников попадала на периферийные заводы, а остаться в Харькове – счастье. И это «счастье» было у меня перед глазами...

Интуитивно всегда чувствовал, что мое призвание – проектная или иная масштабная работа на уровне принятия решений. Копание во второстепенных деталях – не мое. Словом, на втором курсе вдруг стало грустно от безрадостной перспективы.

К тому же меня не приняли ни в одну летную секцию. Там уже была информация из аэроклуба. Кто постарался, догадывался. С горя еще раз прыгнул с парашютом (то был четвертый и, как оказалось, прощальный прыжок «с небес на землю»).

Оставалось разве что вспомнить детство и заняться авиамоделизмом. Благо, секция была сильной. Возглавлял ее чемпион мира Вербицкий, знакомый еще по Дворцу пионеров».

«Привет!

Занятие авиамоделизмом на некоторое время отодвинуло момент принятия решения. Моя летающая модель (копия американского самолета F-102) произвела фурор. Дело в том, что она была полностью изготовлена из тонкого дюрала по заводской технологии, а не как обычно – из окрашенного серебрянкой дерева. А потом я стал делать модели, как подсказывала фантазия. Причудливые формы самолетов удивляли, потому что во всем мире таких еще не было, а сейчас на подобных самолетах летают «Стрижи» и «Витязи». Увы, то были не копии, а потому для соревнований – бесполезные модели.

В это время судьба свела меня с таким философствующим нигилистом, неким Геной Кармозиным. Мы с ним быстро сошлись по части отношения к литературе и к жизни вообще. Все чаще лекциям предпочитали прогулки по лесопарку, с обязательным посещением пивных баров. Мы обсуждали наши литературные находки и очень скоро пришли к выводу, что в институте занимаем чье-то место, в то время как...

Весеннюю сессию сдавать не стали, и оба были отчислены из института».

«Привет!

Дома мое отчисление стало полной неожиданностью. Я же пошел на этот шаг сознательно, поэтому ни о чем не жалел тогда, не жалею и сейчас.

И вот снова на распутье, а никаких идей. Вспомнил о любимой физике. Но университет встретил прохладно. На третий курс не взяли, поскольку не окончил второй. Зачислить на вто-

рой курс, в принципе, могли, но предложили подождать до осени, когда будут отчислены свои неуспевающие.

А дома ждала повестка из военкомата. Система оповещения сработала быстро. Вскоре прошел призывную комиссию, и был признан годным для службы в ВДВ.

Дома воцарилась паника. А что может создать паника? Только хаос. В результате оказался в армии досрочно. Некие знакомые родителей сами сдали мои документы в ХВКИУ, а я был неожиданно извещен, что зачислен на первый курс факультета «Летательные аппараты» (факультет впервые принимал не только офицерский, но и рядовой состав)».

Итак, незаметно для себя я отправил еще восемь посланий другу, не получив в ответ ни одного. Подготовив очередное, подумал, а стоит ли его отправлять. Может, ему все это не интересно? В ответ на прямой вопрос по этому поводу, он мгновенно прислал короткое послание.

Юра сообщил, что «с замиранием сердца» следит за развитием событий, но ответить чем-то подобным не может, поскольку «не обладает такими же эпистолярными способностями».

К тому же у него нет на это времени, поскольку «приходится проводить за компьютером по 12—14 часов в сутки».

Ответ удовлетворил. И я продолжил отсылать послание за посланием, уже не рассчитывая на взаимные откровения. Но надежда, что пишу другу, все еще оставалась.

«Дорогой Юра!

Очень рад снова увидеть твою очаровательную улыбку, да еще с долгожданным текстом под фотографией.

Мне приятно, что тебе интересно читать мои послания. Ведь этот отрезок жизни мы с тобой прожили так, словно находились на разных планетах.

Твои эпистолярные и иные способности для меня очевидны. Не прибедняйся.

Обнимаю, Толик».

«Привет!

Итак, передо мной замаячила реальная перспектива военной службы. Был ли я готов к такой перспективе? Скорее «нет», чем «да». Мой жизненный опыт (пусть и небольшой) подсказывал, что уже никогда не смогу слепо подчиняться приказам. А значит, в армии у меня всегда будут проблемы.

Было обидно, что без меня решили мою судьбу. Мой аргумент, что вместо трех лет теперь придется служить целых двадцать пять, не воспринимался. Мне же ставили в вину, что я потерял два года и могу потерять еще три в армии. А к тому времени, когда снова смогу учиться, мои друзья уже получают высшее образование.

Я доказывал, что образование – не самоцель. Важнее найти свое место в жизни. Но это никого не убеждало. Я был первым среди всех наших родственников, кто получил шанс окончить высшее учебное заведение. За мной потянулись двоюродные сестра и брат, а потом и младший брат, но тогда действительно был первым.

И, конечно же, понимал, что родителям тяжело поднимать меня и младших братьев, в особенности после того, как не стало моих заводских заработков».

«Привет!

Словом, угроза срочной службы в армии и обида на родителей вытолкнули меня из дома.

Но была и другая причина, которая косвенно повлияла на мое согласие с их заведомо неверным решением. И эта причина – несчастная любовь.

Эту девочку я знал с детства. Хоть и редко, но Людочка участвовала в играх, которые устраивали ребята нашего двора. А потом случилось так, что мы с ней стали няньками и выпали из общих игр. И пока мой братик, и ее сестричка копались в песочнице, мы разговаривали обо всем на свете. Постепенно наша взаимная симпатия переросла в настоящую дружбу. Но наши детки подросли и стали самостоятельными.

Мы подолгу не виделись, хотя и жили по соседству, а ее подъезд был виден из нашего окна.

Однажды, теплым весенним вечером увидел идущую навстречу, простенько одетую, но необыкновенно красивую девушку. Вдруг она улыбнулась и еще издали поприветствовала меня нашим особым традиционным жестом – это была Людочка.

В тот вечер мы долго не могли расстаться, обсуждая все, что нас интересовало тогда, в наши юные годы. В тот вечер, неожиданно для себя, но очень отчетливо осознал, что эта девушка – моя судьба...

Так пришла моя первая любовь – весна моей жизни. И эта любовь стала самым большим счастьем. Мы встречались с Людочкой каждый вечер и бродили, взявшись за руки, по улицам, паркам и скверам, и так же, как когда-то у песочницы, говорили, говорили, говорили...

И нам так хорошо было вместе, а впереди представлялось только светлое будущее.

Это была наша с ней юность – тот самый яркий кусочек жизни, который каждый из нас прожил рядом со своей мечтой».

«Привет!

Но были экзамены, а потом трехмесячный лагерь планеристов в Крыму. С Людочкой мы встретились только осенью. Она куда-то спешила, мы так и не договорились о встрече, и сердцем вдруг почувствовал, что наша весна больше не повторится.

А потом была медкомиссия, и все беды разом обрушились на меня.

Я не стал ничего выяснять. Я замкнулся в себе, переживая неудачи. И лишь через несколько лет узнал, что причиной нашей с Людочкой беды была ее подруга. Она жила в нашем дворе и часто общалась с моей мамой и братьями, вскользь узнавая текущие новости обо мне. Что и в каком виде она преподносила Людочке, можно только догадываться. Подруга любимой – это страшная сила. Тем более, если это не твой союзник.

Я окончил школу и первый курс института, прежде чем снова встретил любимую. Все это время думал только о ней, вспоминал нашу весну и мечтал о встрече. И вот мы встретились. Мне так хотелось поделиться с ней планами, рассказать о моей жизни и чувствах к ней. Но и в тот раз она торопилась, и мы снова так и не смогли объясниться.

А потом она стала избегать меня и, как показалось, чего-то опасалась. И вот однажды я увидел из своего окна, как кто-то проводил ее до подъезда, и как она попрощалась с ним нашим жестом!»

«Привет!

От ее подруги узнал, что это был их одноклассник, и они просто дружат. Но я сам видел ее улыбку и такой знакомый приветственный жест, адресованный, увы, не мне.

Это было невыносимо. И хотя мы никогда не объяснялись в своих чувствах, тогда я расценил увиденное, как предательство. Юность категорична в оценках.

Но я очень любил, и потому не желал быть препятствием на ее пути к счастью, даже если она представляла это счастье без меня. Я не стал ее преследовать, и так никогда и не встретил на узкой тропинке ее друга – потому что, мне казалось, она его любила.

Отныне я разговаривал с ней только в моих стихах.

Недолго весна моя длилась,

И вот уже осень пришла.
Зачем же так рано любил я,
За что ты любила меня?

Любила ли? Кто тебя знает,
Ведь ты совсем юной была.
Быть может, и нет – не узнаешь,
Но пламя во мне ты зажгла...

С тех пор уж прошло много лет,
И счастье ушло тебе вслед —
Далекое милое прошлое,
Куда мне возврата нет».

«И вот теперь, когда решалась моя судьба, я случайно увидел ее довольно близко. Она была так молода и так прекрасна... Я не решился подойти к ней. Зачем? Узнать, что спешит? Я мысленно попрощался с ней. Как оказалось, на долгих два года.

Я плыву по течению судьбы
Неизвестно, куда и зачем.
Только серый туман впереди —
Вольной мысли сознательный плен.

Что б могла эта мысль сотворить,
Если дать ей широкий простор?
Но любимая, можно ль забыть
Роковой для меня приговор?

Я страдаю, а годы летят,
Чередой уходя в пустоту.
А душа, как осенний сад,
Растрепавший свою листву».

Отправив еще пять посланий, отметил, что ситуация повторяется: никаких комментариев друга так и не получил. Но уже не мог остановиться, вспоминая те далекие, такие дорогие события моей жизни... Вспоминал ощущения тех дней, вспоминал свои стихи (ведь все тетради с моими произведениями, к сожалению, не сохранились), переносил все это в компьютер и отправлял, отправлял, отправлял...

«Дорогой Юра!

Похоже, я утомил тебя своими проблемами. Просто мне некому было все это рассказать. Я и сам не ожидал, что простой рассказ о своей жизни вдруг вызовет столько воспоминаний, что уже трудно ограничиться примитивным описанием цепи событий.

Потерпи немного. Обнимаю, Толик».

«Привет!

Итак, решение принято, и я на три года помещен в казарму. А это – особый мир, понятный только людям, отслужившим срочную в армии, или отсидевшим срок в тюрьме. Ощуще-

ния, в принципе, те же – постоянный надзор, от которого некуда деться, жесткий распорядок и система дрессуры, основанная на приказах, наказаниях и поощрениях.

К этому добавляются особые отношения между рядовым и сержантским составом, а также между слушателями, отслужившими срочную службу – «стариками», и слушателями, поступившими сразу после школы – «салагами».

У меня, к счастью, было некоторое преимущество, отделившее меня от самого низкого уровня – ведь я уже поработал на заводе и почти два курса проучился в институте. Последнее обстоятельство привлекло к моей персоне и старослужащих, поскольку они были хуже подготовлены к учебе и нуждались в постоянных консультациях. Я их ровесник, и им проще обратиться за помощью ко мне, чем к школьной молодежи.

В общеобразовательной учебной программе училища не отметил особых отличий от известной мне институтской программы. Те же предметы, тот же объем часов.

Существенные отличия в другом – это наличие дополнительных предметов военной подготовки, а также система самоподготовки. Первое не дает уснуть при обилии нудных лекций, второе – расслабиться в период между сессиями.

Понравилось, что мы часто посещали так называемые режимные объекты: воинские части боевой готовности, конструкторские бюро, испытательные стенды, серийные заводы. При этом ездили и летали по всей стране небольшими группами, а потом делились впечатлениями».

«Привет!

Мы месяцами жили в костромских лесах, или среди сопок Красноярского края, изучая боевую технику в реальных условиях. Бывали на заводах, которые выпускали боевые и космические ракеты, где видели новейшие объекты, которые будут запущены в космос лишь через несколько лет.

Понравилась техническая база училища. На младших курсах мы работали с техникой под командованием офицеров-старшекурсников. На старших курсах сами командовали расчетами слушателей младших курсов.

Понравилось, что уже с первого курса нас приглашали работать в лабораториях профильных кафедр. Около года я плотно занимался электроракетными двигателями. Мы изучали физику плазмы, разрабатывали и испытывали методы ее удержания. Много времени уделялось теоретическим вопросам. Всего для нескольких аспирантов и слушателей читали лекции приглашенные специалисты, а когда возникла необходимость, около года посещал лекции по математике в университете. Если бы нас так же загрузили в авиационном институте, думаю, не ушел бы со второго курса».

«Привет!

А когда нам начали читать курс аэродинамики, я полностью переключился на этот предмет, который считал одним из главных в проектировании авиационной техники. Особенно нравились работы, связанные с испытаниями в аэродинамической трубе. Правда, испытываемые нами модели – конусы, цилиндры и тому подобные простые объекты, формирующие изделия ракетной техники, навевали тоску, как я в шутку заявил руководителю кафедры.

С его разрешения, принес из дома модель моего необычного алюминиевого самолета. Результаты испытаний были потрясающими, но модель разрушилась от аэродинамического перегрева. Удивленные характеристиками необычного объекта, инженеры кафедры попросили принести чертежи его поверхности.

А когда сказал, что все было сделано без чертежей, от руки – на меня посмотрели с изумлением. Хорошо, сохранились фотографии. По ним что-то восстановили, материалы аэродинамических испытаний засекретили и отправили в Минавиапром.

Долго ждал, но так ничего и не дождался. Мне все это зачли, как курсовую работу, а также еще до экзаменов прямо в зачетку поставили «отлично» по аэродинамике. То было мое окончательное прощание с авиацией».

«Привет!

Продолжу цепь воспоминаний. Не надоел?

Еще в школьные годы, в свободное время начал писать свою «Программу комплексных преобразований социальной среды» (сокращенно – «Программу КПСС»), потому что уже тогда интуитивно чувствовал, в мире что-то не так.

Мир устроен не так, как хотелось,
Как мы в книгах об этом читали.
Юность можно обманывать смело,
Но с тех пор дети взрослыми стали.

В душу словно плеснули отраву,
И до боли становится жутко:
Почему, по какому праву
Я – невольник в своих поступках!?

Почему власти жаждут сделать
Меня пленником чуждой мне мысли —
Мою душу и разума смелость,
Как в прокрустово ложе втиснуть?

Принцип равенства – подлая шутка,
Ложь болота застойной жизни,
Где нет сил, вопреки рассудку,
Жизнь любя, отречься от жизни!

Вот с такими мыслями тогда жил, а внешне был бодр и весел. Благо, мир мне тогда улыбался, несмотря ни на что...

Юра, напиши хоть что-нибудь.

Пока, обнимаю, Толик».

«Привет!

В первые два года казарменной жизни я редко ходил в увольнение. В свободное время мы с однокурсниками надевали спортивную форму и через стадион, проходными дворами добивались до моего дома. Там переодевались в «гражданку» и шли в кино, или просто шатались по городу.

Все четверо из тех, кто хранил одежду у меня, не были харьковчанами и плохо ориентировались в городе. Так что я исполнял роль экскурсовода и массовика-затейника.

А летом, в каникулы, мы совершили грандиозное путешествие: обошли пешком все побережье Крыма – от Феодосии до Севастополя.

Вот только за два года учебы в училище так ни разу и не встретил любимую. Иногда, когда бывал в увольнении, или на каникулах, часами смотрел в знакомые окна, но безрезультатно.

Как-то раз, как бы невзначай, спросил младшего брата, видит ли он свою подружку по детским играм.

Он удивился и сказал, что они уже давно переехали в другой конец города. Ни на что не надеясь, все же спросил и о старшей сестре. И к удивлению, узнал, что школу она уже окончила.

Я стал появляться дома еще реже. Зачем?

Вечер черными окнами
Заглянул в мою комнату,
Мертвым отблеском уличных,
Городских фонарей.
Я устал, но не хочется
Мне ни капельки отдыха.
Теплый вечер задумчивый,
Обними, обогрей.

Ты напомни далекие,
Тишиною пьянящие,
Вечера моей юности,
Моей первой весны,
И принцессу из сказки
О красавице спящей,
Что пришла в мою юность
Из весенней мечты.

Я не выйду на улицу.
Там давно уже нет ее.
Только память по-прежнему
Милый образ хранит.
Все мне кажется, вижу я
В том окне силуэт ее —
Мне далекое прошлое
Снова в сердце стучит.

Только знаю, из прошлого
Не вернется любимая,
Не воротится юности
Золотая пора.
Лишь останутся, временем
Неистребимая,
Грусть и вечер задумчивый
Дождаться утра...

Однажды встретил ее подружку. Я был в форме, и она меня не узнала. Хотел, было, пройти мимо, но не удержался – так захотелось хоть что-то узнать о любимой.

Разговор получился странным. Мне предложили встретиться вечером. Еле дождался назначенного часа».

«Оказалось, я был приглашен на свидание. Она всегда была хорошей девушкой, а главное – умной. Быстро сообразила, что никогда не была предметом моего интереса. У нее хватило смелости рассказать о своих неблагоприятных поступках, ставших причиной охлаждения

наших с Людочкой отношений. Она была искренна со мной, и в душе тут же ее простил, потому что сам был невольной причиной ее неразумного поведения пять лет назад, и еще, потому что знал, какие страдания приносит неразделенная любовь. Я искренне сочувствовал ей.

От нее узнал много нового о любимой. Ведь, несмотря на невольное соперничество многолетней давности, девушки были подругами с детства. Я узнал, как Людочка жила все эти годы, чем интересовалась. Оказалось, она долго занималась гимнастикой, и у нее были неплохие результаты. Но три года назад Людочка сильно ударилась, после чего у нее начались проблемы. Раз в полгода, ее кладут в больницу на профилактику.

И еще узнал главное – у Людочки всегда было много друзей, но настоящего друга, каким был когда-то я, у нее до сих пор нет!

Когда собрался уходить, подруга сказала, что очень виновата перед нами, хочет исправить свою ошибку, и потому приложит все усилия, чтобы мы с Людочкой восстановили нашу дружбу.

Через неделю мы встретились, и я передал подруге тетрадь моих стихов. А уже через день пришлось сбежать в самоволку с тем, чтобы через столько лет вновь обрести мое горькое счастье».

«Мы встретились с любимой так, словно расстались вчера. И как всегда, говорили обо всем на свете, но не о том, что мучило нас долгие годы. Когда уже уходили, получил приглашение приходить к ним в любое время.

Как ни рвался, наша следующая встреча состоялась лишь через неделю. Людочка болела и лежала в постели. Хотел, было, уйти, но меня не отпустили, потому что она ждала меня всю эту неделю. Мы посмотрели в глаза друг другу, и любые слова стали лишними.

Выяснилось, она знает обо мне очень много, причем в таких деталях, о которых уже позабыл. Когда высказал свое удивление, она пояснила, что лежала в одной палате с моей одноклассницей – Люсей Левицкой, которая постоянно рассказывала ей обо мне, не называя имя и фамилию. Она развлекала Людочку, пересказывая наши веселые рассказы из «Техники идиотов», а также сюжеты из романа и киносценария. И только через месяц случайно выяснили, кто есть кто.

Мои стихи Людочка уже знала наизусть. И хотя ни в одном из них нет ее имени, она сердцем почувствовала, что все они посвящены моей бесконечной любви к ней».

«Отметил, что за годы разлуки она стала духовно богатым человеком. Она много читала, особенно в периоды, когда вынуждена была неделями находиться в больнице, либо дома. Оказалось, как и я, увлекалась Куприным и Достоевским, Стендалем и Джеком Лондоном и вообще – классикой. Не удивительно, что по большинству вопросов у нас, как правило, оказывалось общее мнение.

Я принес ей мои школьные опусы, о которых ей рассказывала одноклассница, а также еще недописанную «Программу КПСС». Через неделю Людочка уже цитировала мои «мудрые мысли» и смеялась от души.

В один из выходных она попросила меня сходу сочинить четыре стихотворения, непременно связанные, как в музыке Чайковского, с четырьмя временами года.

Была поздняя осень – почти канун зимы, а Людочка, похоже, уже скучала по весне и лету...

Я никогда не сочинял стихов по просьбе. Они всегда выражали лишь то, о чем душа уже давно кричала без слов. Только тогда наступало то особое состояние, в котором слова сами складывались в строки, а строки, как бы помимо моей воли, увязывались в стихи.

Если была возможность, что-то записывал и зачем-то сохранял. В противном случае, состояние проходило, и, казалось, бесплодно. Но когда оно приходило вновь, что-то всплывало в памяти души. Хотя, как правило, рождались другие стихи...

Сейчас же меня просила моя Муза, благодаря которой и во имя которой возникло и существовало все мое творчество. Я должен был немедленно сотворить чудо.

И я его сотворил...

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

В волнах весеннего света,
В грозах прозрачного мая
Рвется чудесное лето,
Зиму с пути сметая!

Тусклые серые краски,
Полосы грязного снега, —
Все исчезает, как в сказке,
В вихре его разбега!..

ЛЕТНИЙ СОН

Волны синего моря
Мне сегодня приснились.
О могучие скалы
Они с шумом дробились.

Серебристым потоком
Брызги к небу взлетали.
Отражалось в них солнце
И лазурные дали.

Те безбрежные дали,
Где незримой чертою
Небо словно сливалось
С голубою волною.

Там, за синим простором,
В море солнца и света,
Неизвестные страны —
Страны вечного лета...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

В поле стогов
Потемнела солома,
Рыжая грязь
На разбитых дорогах.
Выглянет солнце
И скроется снова,

С осени взглядом
Столкнувшись суровым.

Морем тоски
Наливается небо,
Серое небо
Свинцовых раздумий...
Вымерло все.
Лишь гонимые ветром,
Туч косяки
Проплывают угрюмо.

Смотрит печаль
На свое отражение
В зелени вод
Потемневшего озера...
Кажется, в мире
Застыло движение
Под леденящим
Дыханием осени...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Легкие пушинки,
Белые снежинки
Падают и тают
На твоих ресницах.

Этот вечер зимний,
Этот воздух синий, —
Долго будет помниться,
Долго будет сниться...»

«Но не только литература и искусство занимали воображение Людочки. Я часто рассказывал ей о своих ощущениях полета, о магии научного познания мира и даже о физике плазмы. В то время я третирую кафедру училища идеей существенного повышения тяги сопла ЖРД за счет увеличения скорости звука в его критическом сечении, что реально при воздействии сильных электромагнитных полей. Я не мог понять, почему здравая, по моему мнению, идея не находила поддержки на кафедре. Если бы знал тогда, что все наши научные изыски – не более чем попытка разнообразить учебный процесс и только.

Я захлеб излагал эту галиматью любимой, и, судя по ее вопросам, она отнюдь не воспринимала мои речи, как простое журчанье ручья...

Я не мог надолго оставлять Людочку, потому что она нуждалась в моей поддержке. С каждым днем ее состояние ухудшалось. Я часами сидел рядом с ней, держа ее руку в своей руке. И только тогда она могла спокойно спать.

Это удивительно, но, несмотря на изнурительную болезнь, внешне она ничуть не менялась. Она никогда не пользовалась косметикой, и даже во сне оставалась спящей красавицей. Я мог любоваться ею бесконечно долго.

Но стоило ей проснуться и открыть свои необыкновенные глаза, легкая улыбка, обращенная ко мне, тут же озаряла ее лицо каким-то внутренним светом.

А потом я снова утомлял ее бесконечными разговорами...

Но, когда я два-три дня не бывал у них, Людочка чувствовала себя, по словам матери, ужасно. Она ждала меня, реагируя на каждый звонок и каждый стук входной двери. И я разрывался между казармой и ее домом».

«Вместе с тем, мое положение в училище становилось незавидным. Я перестал посещать лекции в университете, снизил активность на кафедре, прекратил участвовать в научных семинарах. Надвигалась сессия, а я не мог заставить себя сдать хотя бы часть многочисленных курсовых работ.

Накануне сессии Людочку положили в больницу. Больница была далеко, и мне так ни разу не удалось туда вырваться. Правда, чудом удалось проскочить сессию.

Из больницы Людочка вернулась подавленная. Я думал, что она обижена на меня, но это было не так. Оказалось, с ней в палате снова была моя одноклассница. Они обсуждали проблемы своей болезни и свои, в связи с этим, перспективы. Людочка рассказала ей о наших отношениях, чем очень удивила мою школьную подругу. Она, оказалось, всегда считала меня «веселым монахом-затворником», и никогда не думала, что могу писать любовные стихи, а главное – так беззаветно любить. О чем они тогда говорили, можно только догадываться. Выписались они снова вместе.

Я дотошно расспрашивал Людочку обо всем, что было с ней в больнице, пытаюсь понять причину ее депрессии. И однажды это удалось. Рассказывая новости о моей однокласснице, которую я не видел с выпускного вечера, Людочка задумчиво отметила: «Она счастливая... Она успела выйти замуж...»

Людочка сказала это в полудреме, и, похоже, уже не для меня, а следуя своим раздумьям, потому что тут же провалилась в сон. В тот момент меня словно осенило – вот она разгадка ее состояния после больницы».

«Когда, проснувшись, она как всегда улыбнулась мне, я робко, но все же с надеждой спросил: «Людочка, а ты хотела бы выйти замуж, как только поправишься?»

Она, конечно же, не ждала от меня подобного вопроса. Ее лицо вдруг стало таким печальным, каким еще не видел никогда. Мне тут же захотелось обнять мою Людочку, прижать к себе и успокоить, как успокаивал когда-то моего маленького братика. Еле сдержал внезапно нахлынувшие чувства, а в душе проклинал себя за то, что своим нелепым вопросом доставил ей такую боль. А она вдруг тихо прошептала: «Кому я нужна?»

«Как кому? Мне! Мне! Мне!» – мысленно кричал я любимой. А вслух так же тихо, как она, сказал: «Людочка, ты же знаешь, как я тебя люблю. Я готов ждать тебя всю жизнь. Дай мне хоть маленькую надежду».

До сих пор я никогда не произносил вслух слова любви, да еще обращаясь к любимой девушке, которая уже давно была для меня недостижимым божеством, которому молился в моих мыслях и в моих стихах.

Мы молча смотрели друг на друга, словно виделись впервые. Целая гамма чувств отразилась на ее лице: сначала удивление, потом радость, и, наконец, отчаяние. Неожиданно Людочка заплакала. Она лежала молча, а слезы потоком струились из ее чудесных глаз.

Я никогда не видел ее слез ни до, ни после этого. Я не знал, что делать. Но она быстро успокоилась, улыбнулась, смахивая слезинки, и тихо сказала: «Боже мой, Толик, сколько лет мы с тобой потеряли из-за моей глупости».

Эти ее слова я запомнил слово в слово на всю жизнь. Они были сказаны так проникновенно и так искренне, что мне сразу стало ясно, что все это время не только я один помнил нашу весну.

Но Людочка замолчала, так и не дав ответа, которого ждал от нее долгие годы».

«Я чувствовал, что какие-то сомнения не дают ей покоя. Наконец, Людочка решилась сказать то, о чем уже смутно догадывался, но гнал эти мысли от себя.

Она сбивчиво, но твердо попыталась довести до меня свои соображения. Суть их сводилась к тому, что она оценила глубину моих чувств и благодарна мне за все. Но она не готова принять мою жертву, а это, по ее мнению, именно жертва, поскольку считает, что семейная жизнь с больной женой совсем иное, чем любовь к молодой, здоровой девушке.

Такая жизнь может вызвать еще большую душевную боль, чем неразделенная любовь, потому что это путь к крушению надежд и полному разочарованию. А она не хочет, чтобы я снова страдал по ее вине. И потому пусть все останется, как прежде.

Она снова замолчала. Молчал и я, обдумывая ее слова. Это не было отказом, но не было и долгожданного согласия.

Я уже нисколько не сомневался, что она до сих пор искренне любит меня. Это было видно по всему. Но тогда почему она пытается отказаться от своего кусочка счастья?

Мне кажется, я догадался. Глупышка, она пыталась защитить меня от самой себя! Похоже, после больницы она утратила веру в свои силы.

Зато я чувствовал огромный подъем, и мне тогда казалось, что только вместе мы сможем преодолеть все. И ее болезнь тоже».

«Я взял ее за руку (еще со времен детских игр никогда не позволял себе большей вольности) и сказал то, что она, похоже, ожидала от меня услышать. Я сказал, наконец, вслух то, о чем уже давно мысленно кричал любимой.

Я сказал, что быть с ней рядом – для меня большое счастье, и буду за это сражаться хоть со всем миром. Если надо, брошу все, стану лучшим врачом, и буду лечить ее новейшими методами, которые придумаю.

Я готов преодолеть все трудности во имя нашей любви. Это мой выбор, и мне некого будет упрекнуть за него, даже в мыслях.

Она улыбнулась мне, и я понял, что отныне и навсегда мы с моей Людочкой – единое целое...

Она позвала маму и сказала, что хочет одеться и встать с постели. Я знал, что после двух месяцев обострения болезни, подняться с постели – для нее подвиг. И когда она вошла в комнату и присела рядом, я положил перед ней листочек с только что написанным четверостишием:

Борись с течением судьбы,
Спорь с ветром, дующим навстречу.
И пусть так жить труднее, а не легче —
Нам не дается счастье без борьбы!

Людочка прочла, благодарно улыбнулась, незаметно пожала мне руку и убрала листок в кармашек платья. Я давно не видел ее в таком прекрасном расположении духа. Мы отметили нашу помолвку вместе с ее мамой и сестрой.

Мы объявили, что оформим наши отношения через три месяца, когда я окончу третий курс и покину казарму. С того дня моя любимая, моя невеста стремительно пошла на поправку».

«С того же дня дома для меня настали не лучшие времена.

Когда сообщил родителям о нашем решении, вместо общепринятых поздравлений на меня мгновенно обрушился шквал меркантильных соображений и несостоятельных упреков.

А знаю ли я, что она больна? А где мы будем жить? А хватит ли моей стипендии, чтобы содержать больную жену?

– Да, знаю. Но откуда о болезни Людочки знаете вы? Ведь я ничего вам об этом не говорил, и никому другому... Жить будем либо в семейном общежитии училища, либо у нее дома. Там, где Людочке будет удобнее... Возможно, мне придется подрабатывать. Я к этому готов. Я вообще готов ко всему, – ответил тогда родителям.

Но никакие доводы они не принимали. У них было свое мнение, которое они считали единственно верным и незыблемым. А мои самые светлые чувства – моя большая любовь к Людочке, с которой дружил с детских лет и которую вот уже столько лет любил больше всего на свете – воспринималась родителями не иначе, как моя блажь, не более.

И я перестал бывать дома».

«До сих пор мы не говорили с Людочкой о ее болезни. Она не рассказывала, а я стеснялся спросить. Но эта болезнь была загадкой, которую предстояло разрешить.

Людочка не испытывала болей, она не менялась ни внешне, ни интеллектуально. Но в период обострения болезни, временами ее охватывала такая слабость, что она буквально проваливалась в сон.

Проспав часа два-три, могла быть снова приветливой и даже веселой. Но через час-другой снова теряла ощущение реальности. Когда болезнь отступала, месяцами могла жить, как все. Затем все повторялось.

Раз в полгода Людочка лежала в больнице. В тот год, когда мы восстановили наши отношения, лечение в стационаре ей уже практически не помогло.

Людочка впервые поднялась с постели лишь в день нашего счастья. С того дня она продержалась почти месяц, прежде чем болезнь снова ее свалила...

А пока я окружил мою любимую Людочку заботой и вниманием. Приносил ей все, о чем она хоть раз упоминала.

Моей стипендии не хватало. И я подрабатывал, как мог. Делал курсовые и прочие работы нашим троечникам. По вечерам играл в азартные игры на деньги. Мне везло, удача была на нашей стороне.

Но надо было решить главную задачу – разобраться с болезнью, которая мешала нормальной жизни. Людочка уже привыкла к моей опеке и не удивилась, когда стал расспрашивать ее о характере заболевания. Она просто принесла медицинский справочник и назвала диагноз. То, что прочел, вызвало шок. Первопричина заболевания (травма) и симптомы болезни, которые я мог наблюдать у Людочки вот уже несколько месяцев, совпадали с приведенными в справочнике описаниями. Но там же было написано ужасное: методики лечения не существует, срок течения болезни 3—4 года, а далее – 100%-ный летальный исход.

И она это читала?! Какое же надо было иметь мужество, чтобы вести себя так достойно перед лицом смертельной угрозы?!»

«Внешне оставаясь спокойным, задал ряд вопросов, которые меня в тот момент интересовали. Людочка отвечала так же спокойно, как, очевидно, врачу.

В ту ночь спал урывками, разрабатывая план действий. А далее началась напряженная работа. Я проработал массу специальной литературы, прежде чем начать общаться со специалистами.

Я вышел на научные исследования в этом направлении. Одним словом, старался оценить состояние вопроса на текущий день и на перспективу.

Общался с врачами-практиками и с учеными, к которым мне удавалось прорваться. Увы, надежды не было – ни сегодня, ни завтра...

И тогда обратился к целителям. Я истратил уйму времени и денег на их консультации. Но всегда оказывалось, что именно эту болезнь они лечить не могли. Я завел переписку с иногородними целителями, разыскивая их самыми невероятными способами.

И вот однажды пришел долгожданный, обнадеживающий ответ из Сумской области. Некий целитель известил, что у него были два случая исцеления подобного заболевания, но в тридцати таких же ситуациях помочь не смог. Шансы невелики, но это уже что-то. Для начала он запросил копию истории болезни. Я отправил.

Людочка с интересом следила за моими поисками. Похоже, она поверила, что смогу ее спасти. У нее появилась надежда...

И вдруг, совершенно случайно, узнал, что умерла моя одноклассница, которая лечилась в больнице вместе с Людочкой. Для меня это стало сигналом, что надо активизировать мою работу и из поисковой перевести в режим реализации.

Но, как всегда, информация о несчастье добралась туда, куда она не должна была попасть ни под каким предлогом. Я застал Людочку в подавленном состоянии, и мне стоило больших трудов убедить ее, что каждый человек индивидуален, и срок болезни у каждого больного свой. Хорошо, она не знала, сколько лет проболела ее подруга по несчастью.

Мне впервые стало страшно.»

«Дальнейшие события развивались стремительно. Вот уже почти месяц Людочка не вставала с постели.

Я по-прежнему не мог добиться ничего определенного от целителей. Целитель из Сумской области смог предложить единственное: привезти больную для осмотра, но только после кризиса, потому что во время кризиса ее лучше не беспокоить.

И вот однажды я не успел переодеться в «гражданку» и приехал в форме. Людочка спала, и мы старались ее не беспокоить. Но когда мама обнаружила, что та проснулась, Людочка сказала, что никого не хочет видеть, в том числе и меня. Целый день мы с мамой и сестрой просидели в тревоге ожидания.

И лишь когда вынужден был уходить, Людочка пригласила к себе. Она была, как всегда после пробуждения – спокойная и уравновешенная. Увидев меня в форме, неожиданно повеселела. Она внимательно осмотрела меня и сказала, что форма мне очень идет, потом попросила надеть шинель и сапоги и зайти к ней в таком виде.

Мой вид ее снова удовлетворил. И тогда она сказала, что мне идет не только форма, но и очень идет учиться, и что я должен пообещать ей, что буду учиться всему и всегда. Конечно же, сказал, что обещаю, тем более это в наших с ней интересах. Она улыбнулась и неожиданно попрощалась со мной нашим традиционным жестом – как когда-то давным-давно в юности. Я ответил ей армейским приветствием, развеселив еще больше.

По ее просьбе снова разделся, и мы просидели вдвоем все полчаса моего резервного времени, которое всегда держал в запасе. Мы говорили ни о чем – обычные слова влюбленных.

Но эти полчаса прошли...

Той же ночью моя Людочка – моя подруга, моя любимая, моя невеста уснула, с тем, чтобы больше не проснуться никогда.»

«И вот уже пропасть в сорок лет отделяет меня от того времени. Но я и сейчас помню все, до мельчайших подробностей.

Конечно, последующие годы, насыщенные круговоротом событий, постепенно сгладили остроту воспоминаний, подменив реальность некой иллюзией, словно все это происходило не со мной, а с кем-то другим, причем, где-то далеко – в параллельном мире. Скорее всего, это защитная реакция разума. Возможно. Но от отчаяния, которое охватывало порой, можно было сойти с ума...

И все же это было, и было именно со мной...

И, конечно же, самыми яркими фрагментами моей жизни были и останутся моя первая любовь и безвременная смерть любимой – моей невесты, так и не ставшей мне женой.

Людочка прожила всего двадцать лет (я был старше на два года). И я благодарен ей за то, что она жила рядом в мои лучшие годы, и за те шесть лет любви, пусть, казалось, безнадежной, которые она подарила.

Спасибо, любимая...

Никогда не забуду и тот ужас, который охватил меня, когда осознал фатальную неизбежность смерти дорогого мне человека.

Прости, любимая, что так и не смог тебя спасти.»

«И когда мое страшное предчувствие реализовалось, от меня навсегда ушел страх смерти. Я не испытывал страха, устраняя неисправности на заправленной ракете, когда любая оплошность могла привести к взрыву гигантской силы. Я был спокоен, находясь в эпицентре техногенной катастрофы, когда погибли люди, а я лишь случайно избежал этой участи. Я был хладнокровен под пулями и в разборках с бандитами и бывшими партнерами по бизнесу, а также в многочисленных аварийных ситуациях, когда только холодный рассудок спасал от беды.

Мне кажется, такое бесстрашие, на грани безразличия, вызвано тем, что моя душа умерла тогда – вместе с любимой. А вот тело все еще живет своей автономной, псевдорассудочной жизнью – просто так, по инерции.

Мир можно ладонью закрыть,
Если близко к глазам поднести...

Вот так я закрыл для себя окружающий мир, в котором уже не было моей Людочки. Жизнь потеряла смысл».

«Но жизнь готовила очередную встряску. Я не помню, как и когда мои литературные упражнения попали в мою тумбочку в казарме. Скорее всего, я сам принес эти тетрадки, которые вернула мама Людочки, разбирая ее вещи. В казарме был шмон, искали запасы спиртного, которые обычно делались перед праздниками. Похоже, совершенно случайно наткнулись на мои тетради. Когда их изучили компетентные службы, вывод был однозначен: кто-то распространяет среди слушателей антисоветский самиздат.

Меня вызвали на допрос. И никто не поверил, что я могу быть автором «Программы КПСС». Спрашивали, где взял, кто еще читал, или переписывал. Отвечал, что пишу эти критические заметки вот уже пять лет и продолжаю писать исключительно для себя – своеобразный конспект собственных размышлений. Не поверили. Да и как поверить?

Одни наименования глав вызвали ступор у комиссии партийных работников училища, например: «Об идиотизме советской жизни», «О советской буржуазии», «О неизбежной деградации советской номенклатуры», «Коммунизм – бесперспективная перспектива», «О реальной перспективе истощения ресурсов Земли», «О самоликвидации разумной органической жизни», «Кристаллическая жизнь – будущее разумной жизни» и далее в том же духе.

Материал написан в форме диалога партократа и бюрократа. Масса цифр, цитат классиков, например: «Социализм – есть угнетение народа народом, ради народа» (Эмиль Золя).

Вывод комиссии был однозначным: автор или ярый антисоветчик, или заурядный сумасшедший. Если автором являюсь все же я, то меня, прежде всего, следует исключить из комсомола, из училища, а затем отдать под суд, или направить в дом умалишенных.

Через шесть лет простой пересказ этих материалов очень помог, когда я действительно стал пациентом психиатрического отделения военного госпиталя».

«Выручил наш начальник курса, майор Цуприй. Он был осведомлен о моем несчастье и сочувствовал мне. Как ему удалось закрыть дело, не знаю. Но все мои литературные труды навсегда исчезли в недрах спецслужб.

А я с тех пор больше никогда ничего не писал на бумаге. Сотни стихов и масса прозы – все размещалось в моей черепушке. Что забывалось, сочинялось заново, иной раз лучше прежнего.

Только где оно – это прежнее?..

Я с головой ушел в учебу. Это далось не сразу. Первое время никак не мог сосредоточиться, слушая монотонный голос преподавателя. Я полностью отключался, и в моем сознании сами собой возникали стихи. Это были бесконечные размышления о смысле жизни, о моем горе, о пустоте мира, в котором больше нет любимой Людочки.

Часто разговаривал с ней обо всем так, словно она была рядом. Да, собственно, так оно и было.

Это дыханье твое
В прозрачных алмазах-росинках,
Это твоя красота
В утренней свежести листьев...»

«Вспоминая нашу последнюю встречу, которая оказалась прощальной, вдруг остро осознал, что тогда Людочка действительно простила со мной. Я помнил все ее слова почти дословно, но в тот раз вдруг вспомнил и о данном ей обещании «учиться всему и всегда».

Это и стало переломным моментом текущих дней. Я пересдал проваленную сессию, получив всего одну тройку по теоретической механике.

Сессии четвертого и пятого курсов уже сдавал досрочно и только на «отлично». Восстановил работу на кафедре. В тот раз сам предложил новое направление работ: гибридные ракетные двигатели.

Я стал первопроходцем. Фактически, начиная с четвертого курса, приступил к работе над дипломным проектом.

По мере продвижения к цели сделал несколько работ, которые обладали всеми признаками новизны, и даже оформил заявки на изобретения. Самое существенное было связано с предложенным методом охлаждения высокотемпературного критического сечения сопла – за счет испарения лития через пористую стенку из карбида вольфрама.

Я стал активным участником научных семинаров, выступал с докладами о моих работах, делал обзорные доклады. Готовил материалы и для будущей диссертации.

Но уже на пятом курсе, когда мы проходили стажировку в Красноярском крае, случайно купил книгу Норберта Винера «Кибернетика». Я был потрясен...

Его мысли о возможности создания искусственного разума разительно совпадали с моим бредом о «кристаллической жизни»! Поразило, что современники тоже считали его мысли бредом.

И вдруг отчетливо понял, что все отпущенное мне время занимался не тем, к чему меня действительно тянуло, как магнитом».

«Дипломную работу защищал одним из последних. Все, сдававшие в первых рядах, уже вторую неделю бурно отмечали свои тройки, а сдавшие чуть позже – свои четверки. Я же все еще не мог к ним присоединиться.

Защита прошла блестяще. После моего десятиминутного доклада, полтора часа отвечал на многочисленные вопросы комиссии. Моя работа была признана лучшей, и я стал реальным кандидатом на место в адъюнктуре (аспирантуре).

Нам была присвоена квалификация «инженер-механик» по специальности «Летательные аппараты». А после подписания приказа о присвоении воинского звания «инженер-лейтенант», разрешили надеть лейтенантские погоны на курсантскую форму.

Нас ежедневно останавливал патруль, проверял документы и поздравлял с окончанием училища. Одновременно останавливали слушателей рядового состава – наших товарищей – за то, что те не приветствовали нас, как положено приветствовать офицеров. Взрослые люди играли в детские игры. Я же, наконец, присоединился к нашей пьяной братии».

«Но взрослые игры продолжались. Меня снова пригласили в особый отдел. Их неожиданно заинтересовали мои родители, их происхождение, а главное, почему так ненавижу советскую власть.

Задавшие эти вопросы выдали себя с головой. Моих родителей и ближайших родственников проверяли еще при подаче документов в училище. Второй вопрос был явно провокационным. Ни в одном из своих произведений я ничего не писал о личном отношении к власти.

Я уже стал инженером, мне присвоили офицерское звание. Было ясно, что задача этих людей иная.

Но надо было отвечать на заданные вопросы...

А что мне известно о происхождении моих родителей и вообще о моих предках? Как любой любознательный ребенок, конечно же, интересовался этим вопросом. Но если о предках по линии отца знал немало, получая информацию от тех, кто их помнил и мог что-либо связно рассказать, то все мои расспросы о предках по материнской линии не давали результатов. Меня это удивляло, потому что мама отличалась прекрасной памятью и исключительным здравомыслием. «У вас еврейская голова», – часто говорили матери наши интеллигентные высокообразованные соседи-евреи, которые, конечно же, знали, что говорили. Да и мои тетушки – сестры мамы – мало, в чем ей уступали. Но обсуждение вопроса о предках матери почему-то долгое время было в нашей семье под запретом.

И вот однажды, когда мне уже было лет четырнадцать, случайно обнаружил альбом фотографий, который никогда до того не видел. Это были старинные фотографии прекрасно одетых дам, господ и их детей. Но люди на фото были мне совершенно незнакомы.

Мама, которую тут же стал расспрашивать, сначала смутилась, а потом показала, наконец, моих дедушку, бабушку и других родственников, о которых я никогда ничего не слышал.

– Мама, а кем был мой дедушка, если он так шикарно одевался еще до революции? – удивленно спросил ее.

– Твой дедушка был помещиком, хотя и не очень крупным, – ответила мама к моему искреннему ужасу новоиспеченного комсомольца».

«В то же лето мы впервые посетили бывшие владения моих предков в Рязанской области. Деревня Моловка, которая принадлежала им когда-то вместе с крепостными крестьянами, резко отличалась от окрестных деревень. Все дома и постройки были не деревянными, как повсюду, а основательными – каменными. Во всех дворах были прекрасные сады. Ничего подобного не было в других деревнях того же района даже в наше время.

Само поместье с большим садом при нем, которое помнила мама, не сохранилось. Остались лишь огромные погреба, а также фундаменты большого помещичьего дома и многочисленных построек, что собственно и составляло усадьбу, где когда-то обитали мои предки. А вокруг расстились необъятные пахотные земли, заливные луга, рощи и перелески, и даже виднелся строевой лес, тоже издавна принадлежавший им.

В деревне маму помнили, и что меня особенно удивило, к нам, даже к детям, люди относились с особым почтением. Это чувствовалось во всем.

– Мама, люди так хорошо к нам относятся, а ведь дедушка их, наверное, угнетал? – спросил ее с удивлением.

– Сказки все это. Если бы дедушка с бабушкой были плохими людьми, нас бы сейчас так не встречали, – ответила мама, которая не была здесь с того самого времени, когда их изгнали с этой земли, причем, чужие люди, а отнюдь не крестьяне Моловки.

Именно с того памятного путешествия стал по крупицам собирать сведения о происхождении моих предков по материнской линии. Постепенно сложилось нечто более-менее достоверное, что многократно проверял и перепроверял, рассказывая все, что обнаруживал, родственникам. Кое-что они отвергали, что-то уточняли, а иногда лишь улыбались, согласно кивая головами. Что же удалось выяснить в условиях всеобщего заговора молчания этих запуганных советской властью людей, желавших поскорее забыть своих предков? И много, и мало».

«Мой пращур попал в Россию по приглашению царя Петра I из Польши. Кем он был в Польше, неизвестно, но в России пришелся ко двору. Царь прислушивался к толковым советам «польского немца» Анджея Зарецкого и очень скоро предложил тому перейти в православную веру, то есть, по понятиям того времени, стать верноподданным России.

Принявшему православие царскому советнику было пожаловано потомственное дворянство. Он стал основателем известного рода Зарецких и, по-моему, самым ярким его представителем.

За свои труды был неплохо вознагражден. Но его потомки не были столь успешными, хотя и не оставались в стороне от событий, а многие из них были достаточно заметными в обществе.

Одна из ветвей Зарецких и унаследовала то самое поместье в Рязанской области. Судя по всему, управляли мои предки-помещики своим имуществом по-хозяйски. Старые крестьянские дома, которым наверняка больше сотни лет, даже в наши дни выглядели, как построенные совсем недавно.

Рассказали мне и легенду об одном из предков, который за редкую охотничью собаку выменял у соседа-помещика красивую крепостную девушку. Он тут же даровал ей вольную, дал прекрасное образование, а вскоре, они, по обоюдному согласию, обвенчались.

Другой предок построил стекольное производство, и долгое время управлял им, выпуская не только оконное стекло, но и оригинальную стеклянную посуду, которую придумывал сам.

Был и предок, который строил корабли.

Жили мои предки чаще в Петербурге или в Москве, реже – в других городах. Но, отслужив военную или гражданскую службу и выйдя в отставку, они всегда возвращались в Моловку, где до конца жизни занимались сельским хозяйством.

Дружили мои предки с Пушкиными, Паниными и многими другими представителями известных фамилий.

Последним помещиком из этой ветви рода Зарецких был мой дедушка – Семен Зарецкий, умерший накануне революции. Мою бабушку, Татьяну Зарецкую, я видел всего два раза в детском возрасте, не догадываясь, что она осталась последней законной владелицей одного из родовых поместий Зарецких.

Такие вот в нашем роду были дворяне – мои предки».

«Но какое, собственно, дело этим странным людям до моих предков? Интересовала ли их истина, если опрашивали они явно с другой целью?»

И я рассказал им некую полуправду о том, что мой отец из бедных крестьян (это полуправда, поскольку семья удачно женившегося неимущего деда уже относилась к середнякам), а вот мать действительно непролетарского происхождения (это правда). Но наш предок-крестьянин своими подвигами заслужил дворянское звание (это неправда – социальный статус этого предка неизвестен, но сомнительно, чтобы он был из крестьян). Грамота о жаловании ему потомственного дворянства, подписанная царем Петром I – экспонат исторического музея города Рязани (это правда). Одновременно со званием, моему пращуру отписали деревню Моловку с крестьянами и надел земли за рекой. От этого и назначили нашу родовую фамилию – Зарецкие (а это неправда, поскольку такая фамилия была еще до его приезда в Россию).

Крестьяне были освобождены в 1861 году, а летом 1917 года (еще до революции) умер мой дед.

Моя бабушка с четырьмя дочерьми вынуждена была самостоятельно управляться с хозяйством. Осенью того же года семью ограбила какая-то банда. Вывезли все дочиста на десятках телег. После революции помещичью землю поделили, не предоставив бывшим владельцам ничего. И бабушка вынуждена была зарабатывать на жизнь шитьем. Шила она великолепно.

А потом пришел продотряд, который изъям все продовольственные припасы, а затем взорвал и сжег их полупустое поместье, несмотря на то, что крестьяне Моловки встали на его защиту. Бабушку с дочерьми и близкими родственниками, жившими в поместье, изгнали из родных мест. Хорошо, не репрессировали, как это часто практиковалось с помещичьими семьями».

«Мои мать и отец – фронтовики. Имеют боевые награды.

Как я отношусь к советской власти? Как к любой власти. Мне не за что ее любить, но и ненавидеть нечто существующее само по себе и для себя тоже не могу. По отношению к власти, я – свободный человек.

Последнее мое заявление их добило. Но, наконец, они подошли к главному, ради чего все и затевалось. Поставленным голосом меня спросили, а готов ли я, если Родина прикажет, служить на Дальнем Востоке. На что ответил, что готов служить даже в Северной Америке.

– Почему в Северной Америке? Это же наш противник, – не унимался вопрошавший.

– Вы забыли начало своего вопроса – «если Родина прикажет», – парировал я. Ответ их устроил, оценили и юмор, сказав, что с годами не меняюсь.

– Шила из башки не устроишь, – процитировал в ответ самого себя.

– Снова в яблочко, лейтенант, – заулыбался полковник, выполнивший, очевидно, свое задание.

– Не в бровь, а в задницу, – продолжил я цитату из изъятых когда-то моих литературных упражнений, повернулся и ушел, не спрашивая разрешения.

Я вдруг понял, зачем меня вызывали».

«Догадки вскоре подтвердились. Оказалось, комиссии по распределению, кто-то сообщил, что я изъявил желание служить на Дальнем Востоке и потому отказался от места на кафедре. К моменту, когда в дело смог вмешаться Цуприй, внезапно освободившееся место успели распределить.

Меня же, по его настоянию, распределили в Среднеазиатский военный округ – в город Ленинск (станция Тюра-Там).

Итак, я в очередной раз столкнулся с человеческой подлостью. И теперь меня ждут Приаральские Каракумы.

На выпускном вечере ко мне по очереди подходили люди из руководства кафедры, чокались со мной. Некоторые, при этом, клятвенно обещали, что через год я непременно буду среди них.

Но я уже знал, что не буду никогда, потому что моими мыслями овладела «продажная девка империализма... буржуазная лженаука» – кибернетика».

«Дорогой Юра!

Я снова тебя потерял.

Последнее время чувствовал себя неважно. Практически перестал спать, потому что очень переживал, когда писал о дорогих для меня событиях.

Много написал лишнего, но все оно так и было.

Юра, дружище, пиши.

Обнимаю, Толик».

Отправив очередное, короткое послание, вовсе не надеялся на ответ. Да мне уже было неважно – будет он, или нет. Совсем другие мысли пришли в голову, когда передо мной необыкновенно ярко, как наяву, вдруг снова предстало мое прошлое. С его счастьем и горем.

С некоторых пор я не доверял свои размышления бумаге, впрочем, и любым другим носителям информации. Мои воспоминания, как и мои планы, были всегда со мной – только в моей памяти. Но сейчас, когда попробовал их изложить даже в виде коротких посланий – это вдруг оказалось мучительным испытанием. И не потому, что мне трудно было писать, а просто пришлось заново пережить чувства, которые одолевали меня в те далекие годы.

Отправляя послания, я рассчитывал на взаимную искренность человека, которого считал другом. Нас связывают школьные годы – годы детства и юности. А там невозможны компромиссы – там всегда только «белое», или «черное». И мне вдруг захотелось, невольно прикоснувшись к детству и юности, представить, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы смог пройти ее рядом с моим другом Юрой Елдышевым.

И еще. Я вдруг осознал, что, несмотря на разочарование и боль потерь, проживаю яркую жизнь, освещенную великой любовью, которую пронес через все эти годы.

Но ответ неожиданно пришел. Для меня он стал шоком. Прочтя послание Юры, выключил компьютер и неделю не подходил к нему, переживая прочитанное. Я был буквально раздавлен, и подчас возникало непреодолимое желание стереть всю информацию и больше никогда ничего не писать.

Надо ли комментировать его послание? Думаю, не стоит. Для меня было очевидным одно – почитав мои послания, друг так не напишет.

Что ж, прощай, Юра... Ты был и останешься другом детства – этого не изменить. Но, к сожалению, сайт odnoklassniki.ru не помог мне вновь обрести в твоём лице просто друга, на что в начале переписки еще наивно надеялся. Скорее всего, это в принципе невозможно. Мы стали другими людьми, и каждый из нас уже давно идет своей дорогой. И эти дороги так разошлись в пространстве и времени, что, вряд ли когда-нибудь еще раз пересекутся.

Хотелось бы, чтобы ты все-таки узнал, что у меня нет необходимости восстанавливать дневник – я его никогда не вел. Нет у меня и альбома моих стихов. Они – моя душа и память о прошлом. Никогда ни с кем, кроме друзей и близких, я не делился воспоминаниями, особенно сокровенными. Ты стал первым, кто так подробно узнал трагическую историю моей

юношеской любви. И если решился рассказать, то лишь потому, что ты мог бы это знать давным-давно, потому что все начиналось в то время, когда мы с тобой еще дружили. А слышал ли ты хоть что-нибудь от меня тогда?

И потом, я никогда не нуждался ни в чьей помощи, и никогда никого об этом не просил. Я, как очевидно и ты, привык все свои проблемы решать самостоятельно. По своей природе я самодостаточен, что всегда позволяло легко переходить от роли медведя-шатуна к роли вожака стаи и обратно.

Ценю твое драгоценное время, а потому больше не стану отправлять тебе свои послания – ни «по две-три порции», ни как-нибудь иначе, а то ты со своим менталитетом физика-теоретика, не дай бог, еще заблудишься в трех соснах «моих реминисценций».

Я перечитал нашу переписку с Юрой. И меня вдруг осенило. Ведь вся эта информация, отправленная в виде посланий другу и еще не отправленная – достойна того, чтобы зажить самостоятельной жизнью.

Потому что, пусть я и был малозаметным винтиком громадной, плохо сконструированной и постоянно ломающейся машины, именуемой нашей страной, мне довелось участвовать в событиях, оставивших след в ее истории.

И хотя роль винтика мало устраивала, и я всеми силами пытался изменить свое агрегатное состояние – эта слепая и глухая машина постоянно грозила раздавить всей мощью своего безнадёжного аппарата управления.

Однажды удалось невозможное – я ускользнул без серьезных поломок. В ином агрегате, если уж употреблять техническую терминологию, мне удалось гораздо больше – там поработал даже на уровне микропроцессора. Но и это не принесло удовлетворения, потому что по-прежнему полностью зависел от громадного множества обстоятельств, диктуемых конструкцией все той же слепой и глухой машины.

Я почувствовал себя человеком только, когда создал свое дело, где сам стал руководить воплощением мечты. Здесь тоже свои проблемы, и не все так гладко. Но только здесь, наконец, стал хозяином самому себе.

И сейчас с уверенностью могу сказать, что мне больше не хочется размышлять о том, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы...

Она сложилась, как сложилась. И это моя жизнь, прекрасная и неповторимая.

Глава 2. Я прощался с родным городом

Я прощался с родным городом. Прощался навсегда. Не знаю, почему, но твердо знал, что это так. Нет, я еще буду приезжать в очередные отпуска, навещая родителей и братьев, школьных друзей, соседей по нашему старенькому домику, – в общем, всех, кто помнил и ждал меня в этом городе. Буду снова бродить по дорогим улицам и переулкам, отмечая перемены, которые случились без меня.

Время от времени, город будет снится в том виде, в каком его когда-то оставил, и каким помнил незамутненной памятью детства и юности. Но такие сны будут посещать все реже и реже. И наезжать в родной город тоже буду не так часто, как в первые годы разлуки. Да и то ненадолго и нередко по случаям печальным.

Город, который дал в начале жизни все, что мог, постепенно отбирал то, что с ним связывало, становясь неприветливым, незнакомым – чужим.

Этот город подарил мне жизнь. Он вскормил – пусть и не очень сытно, но так тогда жило большинство людей в нашей стране.

Он воспитал и дал прекрасное образование. Нигде и никогда я не ощущал себя второсортным человеком. Мне всегда хватало приобретенных за годы учебы знаний, с тем, чтобы самостоятельно осваивать самые сложные, новые для меня предметы. Я мог легко и быстро выходить на рубежи, за которыми открывались бескрайние просторы неведомых человечеству знаний. А потом фантазировать, придумывать и предлагать новое. В молодые годы я просто фонтанировал идеями.

Город подарил мне первую и самую большую любовь. И этот драгоценнейший подарок безжалостная судьба отобрала первым. Здесь, в родном городе, я оставлял могилу невесты – молоденькой девушки, которую любил больше жизни.

И вот он наступил – последний день перед дальней дорогой в неизвестность.

Я встал очень рано, потому что хотелось попрощаться с множеством памятных мест.

Первым делом направился к зданию напротив, где когда-то жила любимая. Я обошел казавшееся когда-то громадным здание общежития и подошел к знакомому до слез месту наших детских игр... месту игр наших малышей... месту наших встреч и первых свиданий...

Прислонившись к невысокой кирпичной оградке, прощальным взглядом всмотрелся в знакомые с детства окна. Мне даже показалось, что занавески все те же, что были здесь всегда. Возможно, так и было в служебной квартире. Там давно жили другие люди, но оставалась еще необъяснимая память места и предметов, которые, казалось, молча хранили воспоминания о людях, которые здесь однажды жили.

Я не был здесь очень давно, а ничего не изменилось. Живо представил, как я, шестнадцатилетний, условным стуком барабаню вон в то окошко. Через мгновение отдергивается занавеска, и открывается оконная створка. Появляется моя Любочка, сияя открытой приветливой улыбкой, предназначенной мне – своему Ромео (так она меня тогда называла).

– Привет, Ромео! А я еще геометрию не сделала. Заходи.

Не ответив, порываюсь мгновенно влезть в окошко, но девушка со смехом его закрывает. А это значит, я должен снова обойти здание общежития «Гигант», войти через главный вход, подняться на второй этаж, пройти сотню метров по петляющим коридорам второго этажа, затем спуститься на первый и, еще немного попетляв, попасть, наконец, к двери в квартиру Любочки. Мы в полчаса выполняем ее домашнее задание. Она предупреждает маму, что уйдет ненадолго, и отправляемся на улицу.

А вот я, восемнадцатилетний, долго стою у знакомого окошка. В окнах свет за теми же глухими занавесками. Так хочется постучать условным стуком, чтобы снова увидеть девушку, которую не могу забыть. Но я не стучу, потому что знаю – больше не будет ничего, и наша первая весна никогда не повторится. Мне грустно, хочется плакать от обиды и невыносимой тоски одиночества. И я весь вечер жду, чтобы хоть на миг мелькнул в том окошке такой знакомый силуэт. И когда это случалось, молча смотрел на волшебное отражение любимой и мысленно разговаривал с ней. Я спрашивал, отчего она так переменялась ко мне, совершенно без какого-либо повода с моей стороны. Рассказывал, что ее Ромео несколько не изменился. Он все так же любит свою Джульетту – свою Людочку. А вот что случилось с ней – с моей Людочкой?

И я обещал любимой, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть ее любовь. Я стану знаменитым человеком, и она всегда будет втайне гордиться дружбой со мной. Она будет сожалеть, что наши пути разошлись.

Иногда мысленно читал любимой, ставшей такой недоступной, посвященные ей стихи. Я желал ей счастья, и ничем не хотел смущать ее чувств – даже напоминанием о своем существовании. Молча прощался с окнами, охраняющими ее покой, и уходил.

А вот и мои двадцать лет. Я, как и сейчас, вновь у дорогого сердцу окошка. Но и тогда, и теперь, когда прощаюсь с городом, молча смотрю на памятные места, уже бесповоротно зная, что никогда больше не отдернется занавеска, не откроется оконная створка и в заветном окошке не появится моя Людочка. Ее здесь больше нет, и никогда не будет.

Но в свои двадцать я знал, что любимая живет в нашем городе. Пусть не знал еще, где. И даже намеренно не хотел узнать. И пусть, думал, она давно забыла обо мне, все же теплилась надежда, что рано или поздно напомню ей о нашей весне – хотя бы моими стихами.

Сейчас же просто прощаюсь с этим местом. Моя любимая теперь навсегда со мной – она в моей памяти, пока я жив.

Я попрощался с памятными окошками нашим с Людочкой традиционным жестом, и пошел по самому длинному маршруту наших прогулок. Я шел вдоль ограды старинного кладбища. По обыкновению, мы с Людочкой шли мимо.

Но мне захотелось попрощаться с заповедными местами на этом кладбище. Вот старая церковь, которую мы посещали с бабушкой до тех пор, пока в школе ни запретили нам, юным пионерам, посещать религиозные заведения. Вот склепы, в которые мы спускались с ребятами, дрожа от страха и стора от любопытства. Что там? А вдруг – сокровища?

Вот место, где мы с братом помогали нашим знакомым нищим собирать милостыню, и где часами слушали рассказы о жизни при царе и в немецкой оккупации. Эти годы были не так уж далеки от времени нашего детства, но мы воспринимали воспоминания людей, помнивших ту жизнь, как старинные сказки.

А вот место, где, сделав пробежку по дорожкам кладбища, делал утреннюю зарядку. Ведь это кладбище было для нас всем – и местом детских игр, и своеобразным стадионом, и пляжем, где загорали, развалившись среди заброшенных могил, и, наконец, местом подготовки к экзаменам. Кладбище давно заросло огромными деревьями и кустами великолепной сирени. Здесь был чистый воздух и тишина...

А однажды эта тишина была нарушена страшным взрывом, которым был тяжело ранен мой шестилетний младший брат и еще семеро наших товарищей. Вот оно – это место.

И снова иду по маршруту. Вот моя школа. Одно время это была лучшая школа в городе. Прохожу мимо пожарного училища к ряду домов, вдоль которых мы, школьники, высаживали деревья. Как же они выросли! И я иду по их тенистой аллее.

А вот и памятная ниша в стене дома. Однажды именно здесь нас с Людочкой застал затяжной и довольно сильный майский дождик. Мы спрятались в этой тесной нише.

Мы стояли рядом, непривычно близко, и потому смущенно молчали. А когда под порывами ветра дождевые струи все же доставали, невольно прижимались друг к другу, соприкасаясь то руками, то плечами, то бедрами. И я вдруг почувствовал, что рука Людочки, прижавшаяся на мгновение к моей, слегка дрожала, как от холода, хотя на улице было довольно тепло, несмотря на дождь.

– Тебе холодно? – спросил ее.

Она кивнула. Я снял курточку и накинул ей на плечи. Теперь я стоял не сбоку, а напротив нее, закрыв собой от дождевых брызг.

Как ловко ускользнула Людочка, когда, одевая, непроизвольно задержал руки на ее плечиках. Она мгновенно обернулась, но не от меня, как это было бы естественно для молоденькой девушки, а именно ко мне, одарив открытой, обезоруживающей улыбкой. Я невольно опустил руки. Мы не сказали ни слова, и снова молчали, сделав вид, что ничего не произошло. Мы впервые так долго стояли молча...

Каждый из нас напряженно думал, и каждый о своем, но мне кажется, тогда мы с Людочкой думали об одном и том же.

Я взял ее руки в свои. Они были теплыми.

– Ты согрелась?

Людочка кивнула, но я чувствовал, что ей все еще не по себе. И не холод тому причина, а наша нечаянная близость в этом тихом, потаенном и таком тесном для нас двоих месте.

– Моя курточка с удовольствием обнимает тебя, – неожиданно осмелел я.

Она рассмеялась и вдруг полностью спряталась в ней с руками, плотно прижав их к груди. Я взял пустые рукава куртки, и крест-накрест закутал мою драгоценность еще плотнее. Мои руки оказались на ее талии и на бедрах, но Людочка уже не предпринимала никаких попыток снова выскользнуть. Она вдруг стала такой серьезной и такой не по возрасту взрослой – будто она на что-то решилась.

– Людочка, – тихо позвал подружку, впервые не зная, что говорить дальше.

– Что? – так же тихо спросила она, даже не взглянув на меня, как обычно, когда к ней обращался, а глядя куда-то в сторону.

– Лю-ю-дочка, – тихо, нараспев, снова произнес ее имя. Она молчала...

– Людочка, ты моя Джульетта, – вдруг решил я хоть что-то сказать.

Правда, мне всегда нравилось ее родное волшебное имя – не Людмила, не Люда, а именно Людочка... И часто мысленно и даже вслух я так и произносил его – Лю-ю-дочка... Лю-ю-дочка...

Она, наконец, посмотрела на меня. Ее дивные глаза излучали безграничное счастье. Так вот, оказывается, что она прятала!

И меня вдруг, как маленький хрупкий планер, парящий высоко в бескрайнем небе, подхватил могучий восходящий поток бесконечной нежности к ней – к моей любимой Людочке. Сердце бешено затрепетало. Сомнений больше не было – мы оба испытывали одинаковое чувство. И это чувство – любовь...

– Я не Джульетта. Я – Людочка, – вдруг очень тихо, но твердо прошептала она, глядя прямо в глаза.

Ее глаза, «чайного цвета», показались в тот момент темнее, чем были всегда. Но они сияли тем волшебным светом любви, который нельзя не понять, или понять иначе. Только так любящая девушка может смотреть в глаза любимого, впервые без слов открывая ему сокоро-

венную тайну – свои чувства к нему. словно две яркие звездочки во тьме ночи, ее глаза завораживали, гипнотизировали, словно проникая прямо в мою любящую душу...

Я готов был взлететь в небо или прыгнуть в бездну...

Я готов был умереть от счастья...

– Лю-ю-дочка... Нет, ты не Джульетта... Ты моя Лю-ю-дочка, – тихо сказал, с особым удовольствием произнося ее имя. Она не возразила.

Я правильно тебя понял, любимая! Теперь ты навсегда – не просто Людочка, а моя любимая Людочка!..

Возникла длинная пауза. Мы смотрели друг на друга – глаза в глаза. Я уже твердо знал, что мог бы обнять и прижать к груди мою любимую Людочку. Мог бы ее целовать, целовать и целовать – она не стала бы препятствовать. А, скорее всего, разделила бы со мной всю глубину моей нежности и страсти.

Но какое-то шестое чувство – моя интуиция, вдруг подсказала, что не следует форсировать события. Я почувствовал, что именно сейчас одним неуклюжим словом, неумной фразой или нелепым поступком могу нечаянно разрушить это чудо – такое хрупкое равновесие в коротком мгновении ощущения полного счастья, такого нового для нас обоих, такого ясного и чистого, и такого огромного, как это бескрайнее небо над нами.

Не знаю, сколько мы так простояли. Время для нас остановилось...

Очнувшись, мы вдруг с жаром заговорили – как всегда, когда были среди людей, или когда просто стояли или шли рядом на открытом пространстве.

– Ромео! А где твоя шпага? – кокетливо улыбнувшись и вдруг беспокойно глянув вправо от меня, громко спросила Людочка, словно предупреждая меня. Я бросил взгляд в том же направлении, и увидел, что кто-то шел по улице, в сторону нашего убежища. Дождь уже давно прошел, и даже тротуар подсох под теплым майским солнышком.

Я мгновенно выпустил Людочку, и, не оборачиваясь, быстро переложил из-за пояса в карманы мои обе «шпаги». Теперь можно было занять позицию на пионерском расстоянии от любимой. Она почти не заметила моих манипуляций. А я мысленно ругал себя. Как же мог так опрометчиво забыть о своем оружии.

– Что ты там спрятал? – спросила Людочка.

– Свои шпаги, – ответил, улыбаясь. Она, конечно, не поверила.

– Сколько их, и как они поместились в твоих карманах? Покажи. Мне очень интересно посмотреть, – щебетала Людочка.

– Подожди, пусть люди пройдут.

– А что это?

– Мои пистолеты.

– Откуда они у тебя и зачем?

– Людочка, мы же с тобой часто выходим за пределы своих царских владений. И нас могут там обидеть, даже если мы не сделаем ничего плохого.

– Как это нас обидят? Кто? И что за владения? – спросила Людочка.

Она хотела узнать слишком много и все сразу, причем в той области человеческих отношений, о которых понятия не имела.

То, что я рассказал Людочке о шпане и об уголовниках, царивших в нашем городе и давно поделивших его на множество незыблемых ареалов, которые были «табу» для посторонних, оказалось для нее потрясающей новостью. На меня обрушился поток вопросов, на которые волей-неволей пришлось отвечать.

– И что они могут с нами сделать?

– Все, что угодно, Людочка. Оскорбить, избить, ограбить и даже убить.

Зря, конечно, рассказал, но это действительно было так. Мой отец в то время из оперативных работников, выслеживавших и задерживавших преступников, перешел на следственную работу. Он часто показывал сводки происшествий в городе и рассказывал о своей текущей деятельности. А очень многое из тех сводок происходило буквально рядом, и я часто видел жертвы преступлений своими глазами. Отец втайне надеялся, что пойду по его стопам. То, что я читал и видел, производило сильное, но в основном, удручающее впечатление. И, увы, не вдохновляло настолько, чтобы посвятить этому свою жизнь.

– Что ты сможешь сделать со своими пистолетами? Ты что, будешь стрелять в людей? Тебе не страшно? – засыпала меня вопросами Людочка.

– Пистолеты самодельные, однозарядные. Пугачи. Стреляют громко, а толку мало. Стрелять в людей – преступление. Стрелять в вооруженных врагов – подвиг. Шпана и бандиты – как враги. И даже хуже. Когда они вместе, это не люди, а стая злобных, но трусливых собак. Убивать я их не собираюсь, а отпугнуть – думаю, что смогу. Людочка, мне страшно только за тебя. Ты для шпаны – обольстительная приманка. И ты действительно можешь пострадать. Я не могу этого допустить, а потому буду оборонять тебя до последнего патрона, – сыпал ей очередную порцию жутковатой для нее информации.

Ведь по радио все было намного оптимистичней, чем в реальной жизни того времени.

– До последнего патрона, – повторила Людочка мою фразу, – Их же всего два! – вдруг сделала она вполне здравый вывод.

Вместо ответа, вытащил из кармана и показал ей горсть патронов. Похоже, она видела их впервые.

– И этой маленькой штучкой можно убить? – задумчиво спросила Людочка, внимательно рассмотрев и возвращая мне патрон.

– В два счета, – безапелляционно заявил ей.

– А можно мне попробовать выстрелить? – высказала неожиданную просьбу Людочка.

– Людочка, здесь же улица, а не тир, – вежливо отказал подружке.

– А где можно?

– Можно на кладбище, да и то не везде и не всегда.

– Тогда пошли на кладбище. Сейчас можно? – Людочка на глазах милитаризировалась.

– Сейчас можно, но я не пойду с тобой на кладбище.

– Почему? – недоуменно спросила Людочка. Я был поражен ее наивности в очевидных вопросах морали.

– Потому что ты девушка. А девушки никогда не пойдут в такие места с юношами, да еще с вооруженными. Твоя мама, если ты ей об этом скажешь, не поймет, и запретит тебе гулять со мной, – попытался хоть как-то объяснить ей причины отказа.

– Но ты не просто юноша, а Ромео. А я – твоя Джульетта. Ты же сам говорил только что. Или я неправильно поняла?.. Ну, пойдем, Ромео, – загадочно улыбаясь, аргументировала и настаивала Людочка.

Не знаю, может, ей не очень нравилось мое имя, но с той весны она редко называла меня по имени. Возможно, была и другая причина прибегать к косвенному обращению ко мне – это так и осталось загадкой. Но, начиная с того памятного дня, я вдруг стал у нее Ромео. В ту весну она просто обожала обращаться ко мне так.

– Людочка, согласен. Пусть я буду Ромео. Но если по правде, не хотелось, чтобы у нас вышло, как у них. Тот Ромео погубил и себя, и свою Джульетту... А ты – моя Людочка и я отвечаю за тебя... Мне не хотелось, чтобы ты ходила туда. Даже со мной. Ведь нас могут увидеть. Пойдут эти жуткие сплетни, – продолжил я настаивать по праву старшего, кото-

рое, уже несколько не сомневался, давно растерял, сраженный волшебными чарами красавицы-подружки.

– Я сама за себя отвечаю, – возмутилась Людочка, – Я понимаю, о чем ты говоришь. Но с тобой пойду, куда угодно, и на это кладбище тоже. Или тебе жалко патронов?

Последний аргумент добил. Спорить было бесполезно. Мои возражения больше не воспринимались. И еще я понял, что интуиция не подвела – видимо в непростой для нас обеих ситуации во время дождя, я поступил именно так, как ждала от меня любимая. Мы объяснились без слов. И теперь она, похоже, совсем не думала о репутации, потому что твердо знала, что любима верным другом, которого тоже любит, и что любимый, готовый защищать ее «до последнего патрона», никогда не обидит ни словом, ни поступком.

– Хорошо, Людочка. Пошли на кладбище.

И мы, наконец, покинули приютившую нас нишу, где в тот день так откровенно раскрылись наши чувства. И Людочка так и не сняла мою курточку, пока мы ни вернулись домой...

А прежде, чем вернуться, мы забрались с ней в самый таинственный и безлюдный уголок кладбища. Здесь мы с ребятами испытывали и пристреливали свое самодельное оружие. Действовали быстро. Несколько выстрелов, и врассыпную. То была не лишняя предосторожность. Одно время на кладбище часто стреляли. Орудовала банда. На выстрелы сбегались мы – ребята из прилегающих дворов.

То, что порой видели, было зрелищем не для слабонервных. Нас быстро разгоняли, потому что мешали милиции, медикам и всем, кто приезжал на место происшествия по долгу службы, но всегда после нас. Позже администрация студенческого общежития, что напротив кладбища, получила предписание: немедленно вызывать милицию, как только слышались выстрелы.

Людочка была в том месте кладбища впервые. Она молча, со страхом оглядывала мало-приятный темный уголок. Полуразвалившиеся склепы с проваленными полами, откуда веяло могильным холодом, поваленные каменные памятники, громадные старые деревья, густой непроходимый кустарник, и вкривь и вкось кресты, кресты, кресты...

Я показал Людочке, как обращаться с оружием. Потом достал из склепа мишень и закрепил ее на дереве. Огляделся. Все спокойно.

И вот мы заняли позицию для стрельбы. Я выстрелил первым. Яркое пламя на полметра из короткого пистолетного ствола и оглушительный, на фоне окружавшей нас кладбищенской тишины, звук выстрела. Мишень поражена.

Выстрелила Людочка. Мимо мишени и даже мимо толстеного ствола дерева.

– Давай еще разик попробую.

– Людочка, время пошло. Скоро здесь будет милиция.

– Я быстренько.

– Хорошо, перезаряжай, но не стреляй, – дал ей патрон, а сам быстро снял с дерева и спрятав мишень обратно в склеп. Людочка уже была готова к стрельбе.

– Стреляй просто по дереву. Точнее целься.

Выстрел. Есть попадание. Теперь скорее, как можно дальше от этого места. Когда мы вышли на главную аллею, навстречу уже бежали ребята из нашего двора.

– Толик, там стреляли, – крикнул кто-то из них на бегу, – Айда, посмотрим!

– Мы не слышали, да и не интересно, – ответил им, и мы с Людочкой переглянулись, как настоящие заговорщики. А когда ребята убежали, весело рассмеялись.

Я проводил Людочку до подъезда. Мы расстались, обменявшись нашим традиционным приветствием. Людочка сияла. Я, очевидно, тоже. Так окончился наш первый день счастья.

С того дня, как только мы подходили к памятной нише, где состоялось наше первое взрослое свидание, и мы без слов объяснились в любви, Людочка всегда замедляла шаг, и, обернувшись ко мне, улыбаясь, спрашивала: «А где твоя курточка, Ромео?»

– Это та, которая тебя обнимала? – отвечал вопросом на вопрос.

– Да, – всегда коротко отвечала она, продолжая улыбаться.

– Она отдыхает дома, но у меня есть еще эта рубашка, и она тоже хочет тебя обнять.

– Передай ей, в следующий раз, – кокетливо отвечала Людочка, после чего, смеясь, ускоряла шаг, жестом приглашая следовать за собой.

Этот ритуал стал традиционным. И мы всегда с удовольствием его исполняли. Но никогда больше не было подобного свидания. Оно было единственным и неповторимым...

У нас было множество любимых мест, где нам с Людочкой нравилось бывать чаще всего. Мы подолгу задерживались на скамейках, что уютно располагались в тени больших деревьев наших парков и скверов или где-нибудь у фонтанов и водоемов.

Было несколько маршрутов, по которым ходили без опаски. Короткие, что целиком проходили по территории, подконтрольной нашей местной шпане. И длинные, с заходом на чужую территорию, появляться на которой можно было, только опираясь на авторитет нашей воровской братии.

Я договорился с двумя авторитетами, которые жили в нашем дворе, и которых знал с детских лет, что при необходимости могу ссылаться на них.

Глянув на мое оружие, они рассмеялись и предложили арендовать их старенький револьвер с длинным стволом от ручного пулемета. Они называли его «парадокс».

Мать, стирая мои вещи, так и не смогла понять, откуда на всех рубашках и даже майках в одном и том же месте появляются масляные пятна. Отец же, мельком взглянув, сразу все понял и сказал: «Смотри, сынок, осторожнее».

А Людочка, узнав о новинке моего арсенала, не успокоилась, пока ни расстреляла полный барабан дефицитных патронов.

Я уже довольно долго простоял в нашей нише, где много лет назад мы с Людочкой были так счастливы. Слезы лились по щекам. Я их даже не замечал, пока кто-то из обеспокоенных прохожих ни подошел ко мне:

– Что с вами, молодой человек? Вам плохо?

– Нет. Спасибо. Мне хорошо... Очень даже хорошо.

– Что-то не похоже, – и прохожий, интеллигентного вида пожилой мужчина, пошел своей дорогой, подумав, очевидно, что я просто пьян.

Смахнув слезы, понял, что мне действительно стало легче. Это были первые слезы после того, как я навсегда простился с моей любимой Людочкой.

Тогда я не плакал. Тогда я умер, а мертвые не плачут.

«Прощай навсегда, ты – любовь моя первая», – вдруг припомнилась первая строчка одного из юношеских стихов. Я попрощался с памятным местом, где родилась наша с Людочкой первая любовь, и медленно, на свинцовых ногах, ушел оттуда, где мне вдруг захотелось остаться навсегда.

Я шел по направлению к центральному парку. А вот и его обветшалый вход. Знакомая каштановая аллея. Скамейки вдоль аллеи. Как всегда – люди. Шахматисты, играющие на деньги. Просто отдыхающие.

Тут же припомнились соответствующие строки одного из моих первых стихов:

Теплый майский вечерок,
Люди на скамейках.

Дует легкий ветерок
В парковых аллеях.

Словно ранняя весна,
Милая и свежая,
К нам девчонка подошла,
Робкая, несмелая.

Жизнь безоблачно текла,
Словно песня звонкая.
Но любовь ко мне пришла
Вместе с той девчонкой.

Эти слова об этом парке, и, конечно же, «та девчонка» – моя любимая Людочка. Она тогда, естественно, еще ни о чем не догадывалась.

И снова о ней, только из другого стихотворения той же поры:

Еще не знаешь, ты, что я тебя люблю,
Что жизнь свою тебе навеки отдаю.
Так знай, что, невзирая на года,
Я буду помнить о тебе всегда...

А может, она уже догадалась обо всем, причем, гораздо раньше меня? Хотя бы потому, что я всегда оберегал ее так, как никого другого. Это повелось еще со времен наших детских игр. А особенно страшно было за нее, когда мы играли в простой волейбол без сетки. Дело в том, что в соседнем доме жили сразу несколько будущих членов сборной СССР – будущих чемпионов страны и мира по этому виду спорта. Тогда они были такими, как мы. Разве что чуточку старше.

Правда, по-моему, у них было плохо с головой. И если мы просто играли, то эти «будущие», постоянно норовили с силой погасить мяч. И казалось, буквально торжествовали, когда гашеный мяч попадал в наших девочек, отбивая им руки, или другие части тела.

Я бросался под все их удары, направленные в сторону Людочки. Иногда, неумело падая, разбивался в кровь, но принимал их мощные удары на себя. Людочка сердилась. Она не понимала, что не сможет принять такой мяч.

Другие девочки откровенно плакали после особенно сильных ударов. Но когда играл я, ни один такой мяч не попадал в мою Людочку. А без меня она, похоже, играла редко, или вообще не играла. Особенно после того, как ее подруга, рыдая от очередного сильного удара, сказала успокаивающей ее Людочке: «Тебе хорошо. У тебя такой защитник».

А вот наша любимая скамейка в парке. Она уже, конечно, занята другими влюбленными. Я махнул им рукой, они помахали в ответ. Счастливые...

Мне хотелось еще посетить овраг, дно которого было выровнено так, что представляло собой абсолютно ровную площадку приличных размеров. Это было место наших тренировок и футбольных баталий.

В школьные годы и еще пару лет после окончания школы, мы с друзьями, побегав часик-другой за мячиком, обязательно отмечали нашу очередную победу или поражение.

Пили отвратительный портвейн, прямо из горлышка и без закуски. Вот таким был наш спорт. Нет, не пойду в этот раз. Людочка сюда с нами не ходила.

Стадион «Динамо», парашютная вышка, детская железная дорога – сколько связано со всеми этими местами. Нет, тоже не успею попрощаться.

Я вышел из парка. Влево уходило Московское шоссе. Вдоль него шли трамвайные пути – дорога моего основного транспорта. Здесь подряд размещались все памятные объекты, где я в разное время работал или учился. Завод ФЭД, авиационный завод, база нашего училища, харьковский авиационный институт, техническая база училища. Но мы с Людочкой здесь не бывали, а потому дальше я пошел по нашему маршруту.

Обычно из парка мы поворачивали направо. Шли мимо военного училища, в стенах которого мне тогда еще предстояло провести целых пять лет, и дальше – по центральной улице города.

Сумская улица – или харьковский Бродвей, как его называли местные «стиляги». Сколько связано с этой улицей! Демонстрации и гуляния – и в праздники, и в будни. Здесь всегда многолюдно. Много молодежи – местной, и приезжей. Здесь всегда надо быть начеку. Но здесь все же менее опасно, чем ходить по более тихим, но отнюдь не спокойным параллельным улицам.

Я дошел до центральной площади города – имени Дзержинского, но с памятником Ленину – прошел мимо обкома партии, где принимали в комсомол. Махнул на прощанье харьковскому университету, который очень помог мне в освоении математики. И, наконец, бросил взгляд на уникальное здание Госпрома с его телевизионной вышкой.

Следующий наш объект – парк Шевченко. Харьковчане чаще говорили – сад Шевченко. Он не такой большой, но ухоженный, в сравнении с центральным парком.

Отыскал все наши любимые скамейки под огромными раскидистыми деревьями на открытых местах. На некоторых удалось немного посидеть, вспоминая наши с Людочкой разговоры из серии «обо всем на свете».

Я прошел через весь парк – к каскаду искусственных водопадов, откуда с высоты открывался чудесный вид на город. Это было одно из самых любимых наших мест – в центре города только отсюда можно было во всей красе наблюдать солнечные закаты.

В годы нашей вынужденной разлуки я часто приходил сюда один. Мне было плохо. Я грустил.

И вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Если б смог я в стихах передать
Те порывы моей души,
То волненье ее и ту боль,
Что заставила сердце страдать —
Неокрепшее, юное сердце...
Если б мог я в стихах передать...

Занимался багровый закат
Уходящего в прошлое дня.
Словно грустный, прощальный взгляд
Моей юности светлого сна.

Я навстречу закату бреду.
Солнце, милое, стой, погоди!
В темноте я свой путь не найду —
Хоть немного еще посвети.

Неизбежность меня страшит
Затеряться во мраке ночном.
День окончен. И нет впереди
Той, что сердце зажгла мне огнем.

Ничего, что светило звездой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.